Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

ИНАБ

Информационно-аналитический бюллетень

2019 № 1

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРИМЕР ТАТАРСТАНА И САХА (ЯКУТИИ)**

Москва

2019

ИНАБ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ
Института социологии ФНИСЦ РАН

Бюллетень издается с 2007 г.

(до 2017 г. – Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН)

2019 № 1

DOI: [10.19181/INAB.2019.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2019.1)

ISSN 2686-8245

ISBN 978-5-89697-318-8

Ответственные редакторы выпуска: Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова

Ответственный секретарь выпуска: Е. Ю. Щеголькова

**Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации:
пример Татарстана и Саха (Якутии)**

В этом выпуске Информационного бюллетеня представлены результаты проведённых в 2019 году исследований межнациональных (межэтнических) отношений в российских республиках – Татарстан и Саха (Якутии). В статьях презентуется широкий круг вопросов, связанных с отношениями русских и людей, дающих названия республикам, а также людей других национальностей в трудовой и неформальной сферах жизни. Показана оценка межнациональных отношений в республиках, городах разного типа, сельских поселениях, а также уровень доверия.

Рассматривается уровень актуализации этнического самосознания русских, татар, саха (якутов) и соотношение общероссийского гражданского и этнического самосознания. Анализируются элементы этнического негативизма и дискриминации на национальной почве, сферы их проявления. Специальное внимание уделено актуальным проблемам регулирования противоречий в изучении государственных языков в республиках, равенства возможностей людей независимо от национальности, показано отношение к мигрантам и перспективы адаптации иностранных граждан. Особенность статей в том, что в них приводятся сравнительные данные мониторингового характера по республикам, и в тоже время итоги опросов по республикам сравниваются с общероссийскими данными ФАДН–ВЦИОМ, мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством М. К. Горшкова и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE). Исследования выполнены сотрудниками Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с учёными из Татарстана и Саха (Якутии) при поддержке республиканских органов, отвечающих за межнациональные отношения.

Ключевые слова: межэтническое согласие, гражданская консолидация российского общества, межэтническое доверие, язык, местное население, внутренние мигранты, этническая и гражданская идентичность.

ISSN 2686-8245

ISBN 978-5-89697-318-8

© Коллектив авторов, 2019

© ФНИСЦ РАН, 2019

Содержание

К читателю	4
<i>Дробижева Л. М., Титова Т. А.</i> Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан.....	7
<i>Щеголькова Е. Ю.</i> Межнациональные (межэтнические) отношения (на примере Республики Саха (Якутия)).....	24
<i>Рыжова С. В.</i> Этническая солидарность и доверие в Республике Татарстан	38
<i>Арутюнова Е. М.</i> Языковая ситуация в республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании	50
<i>Евсеева М. А.</i> Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтническом пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия)	62
<i>Кузнецов И. М., Фролова Е. В.</i> Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан.....	74
Сведения об авторах.....	88

К читателю

Стратегией государственной национальной политики на период до 2025 года с изменениями, внесёнными Указом Президента РФ в декабре 2018 г.¹, предусматривается проведение мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений. Одной из форм реализации этого решения является социологический мониторинг ФАДН. В Государственной программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» утверждены показатели социологического мониторинга ФАДН:

1. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных (межэтнических) отношений, в общей численности граждан Российской Федерации.

2. Уровень общероссийской гражданской идентичности.

3. Доля граждан, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности, в общем количестве опрошенных граждан.

4. Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к иностранным гражданам, в общей численности граждан Российской Федерации².

К этим показателям традиционно добавляют:

5. Доля граждан, испытывающих неприязнь по отношению к представителям других национальностей, в общей численности граждан Российской Федерации (и каждого субъекта РФ).

Все эти показатели включаются в общероссийские опросы, которые проводили ФАДН-ВЦИОМ. Туда ежегодно включались, естественно, и другие вопросы, которые раскрывали уровень межэтнического согласия, напряжённости, в том числе оценку возможности серьёзных конфликтов в ближайшее время на национальной почве в том населённом пункте, где живёт человек, причины негативного отношения к прибывающим мигрантам и др.

Естественной ограниченностью таких опросов, которые проводятся центрами изучения общественного мнения, является: 1. Объем выборок – 1600–2000 единиц наблюдения, которые репрезентативны для населения страны, но не репрезентативны для национальностей и для субъектов Федерации. 2. В них нельзя поставить вопросы, которые раскрывали бы отношение и намерение людей действовать, установки, ориентации по тем проблемам, которые актуальны для того или иного региона, но не понятны для жителей других областей, краев, республик – например, отношение к добровольному изучению государственных языков российских республик редко кого волнует среди русских, живущих в областях ЦФО,

¹ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666».

² Приложение № 1 к государственной программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» в ред. Постановления Правительства РФ от 29.03.2019 № 360.

среди 18 субъектов Федерации которого нет ни одной республики. Так же отношение к земельному вопросу или проблема границ между субъектами Федерации актуальны для территорий Северо-Кавказского федерального округа, но будут непонятны для других субъектов Федерации.

Поэтому ФАДН ориентирует администрации субъектов Федерации на проведение республиканских, областных, краевых социологических исследований, которые бы отражали региональные особенности межэтнических отношений и были бы репрезентативными не только для субъекта Федерации, но для основных национальностей, проживающих в них, и в то же время включали в опросные листы обязательные индикаторы в сопоставимой форме.

В данном Информационно-аналитическом бюллетене мы представляем результаты исследования межнациональных (межэтнических) отношений по двум республикам – Татарстан и Саха (Якутия) в 2019 году.

Исследования носят мониторинговый характер. В Татарстане они проводятся ежегодно с 2014 года. В Саха (Якутии) исследование, которое представлено в Бюллетене, имеет опыт подобного мониторинга в 2012 и 2015 гг. При раскрытии тем в статьях для сравнения используются сопоставимые вопросы.

В Татарстане опросы проводятся Центром по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобии РТ. Центр работает на базе КФУ. В Саха (Якутии) опросы проводились Информационным Центром при Главе Республики Саха (Якутия).

Объем выборки в Татарстане в 2019 г. 2000 единиц наблюдения (1500 в горожан, 500 жителей села), погрешность выборки 2,1%. Объем выборочной совокупности в Саха (Якутии) – 1500 единиц наблюдения в каждой из волн, погрешность выборки – от 3 до 5%.

Разработка программы и методики исследований осуществлена Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (рук. – Л. М. Дробижева) совместно с коллегами из республик – Т. А. Титовой, В. Е. Козловым, Е. В. Фроловой из РТ и А. Д. Бравиным и Э. Я. Яковлевой из РС(Я).

Со стороны московских авторов Центра исследования межнациональных отношений работы выполнены в рамках НИР Института социологии ФНИСЦ РАН «Консолидация многонационального российского общества: потенциал и возможности регулирования».

В каждом из исследований используются материалы экспертных интервью и фокус-групп. Экспертами выступали специалисты, работающие в сфере изучения межэтнических отношений, преподаватели вузов, работники СМИ, управленческих структур, отвечающие за сферу межнациональных отношений, представители общественных объединений – НКА. В каждой из волн исследований в республиках брали по 10–20 интервью. Глубинные интервью и фокус-группы в Саха (Якутии) в 2019 г. были проведены Е. М. Арутюновой. В Татарстане – под руководством Т. А. Титовой.

Безусловным преимуществом мониторинговых исследований является возможность изучить основные вопросы межнациональных отношений – изменения в этнической, республиканской, общероссийской иден-

тичностью, оценку межэтнических отношений русскими, саха (якутами), татарами, их межэтнические установки, основные ценности, отношение к внешним и внутренним мигрантам, доверие, представления о равенстве/неравенстве возможностей в зависимости от национальности, религии, языка, допустимости разных форм протеста, целях, способных объединить поликультурное общество, и другие вопросы в динамике.

Поскольку сотрудники Центра исследования межнациональных отношений имеют давнюю историю изучения проблем этничности и межэтнических отношений, в поле нашего внимания были и доктринальные документы, материалы СМИ, накопленные с 90-х гг., Интернет-ресурсы, мы имели возможность рассмотреть изучаемые явления не только в социально-культурном, но и в историческом контексте.

Другим преимуществом анализа рассматриваемых проблем в статьях ИНАБ является сравнение данных по республикам с материалами общероссийских опросов. В текстах используются результаты мониторингового всероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (под рук. ак. М. К. Горшкова), исследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), данные опросов ФАДН-ВЦИОМ за 2016, 2017 гг.

В каждой статье исследование выполнено на основе методологии, отвечающей задачам изучения конкретной проблемы. Общим был подход сравнительной социологии, социально-культурный подход реализуется через рассмотрение идентичностей и установок с учётом историко-культурного и этноконфессионального контекста.

Основные выводы исследований, проведённых в предшествующие годы, обсуждались на Экспертном совете по общественно-политическим и этноконфессиональным вопросам при Казанском (Приволжском) федеральном университете, на Совете по вопросам государственной национальной политики при Главе Республики Саха (Якутия), а также на научных форумах.

Выражаем признательность Управлению по реализации национальной политики департамента президента РТ по вопросам внутренней политики, Д. М. Мустафину, Н. И. Гизатуллину, Департаменту внутренней политики Администрации Главы и Правительства Республики Саха (Якутия), М. Э. Слепцову за внимание и поддержку при проведении исследований.

Признательность нашим коллегам, помогавшим в проведении исследований в Республике Татарстан и Саха (Якутия), нашим экспертам и участникам обсуждений итогов исследований. Мы также выражаем искреннюю благодарность и признательность к.и.н. Н. Н. Никс, помогавшей в подготовке бюллетеня к изданию.

Л. М. Дробижева

Л. М. Дробижева, Т. А. Титова

Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан

DOI: 10.19181/inab.2019.1.1

Дробижева Леокадия Михайловна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: drobizheva@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 72102

Титова Татьяна Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

РИНЦ AuthorID: 112764

Для цитирования: Дробижева Л. М., Титова Т. А. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 7–23. DOI: 10.19181/inab.2019.1.1

Аннотация. Статья посвящена раскрытию межэтнических отношений в Республике Татарстан. Показаны причины внимания руководства страны и общественности к субъекту Федерации в силу экономической значимости региона, в котором реализуются многие инновации, и высокой этнически маркированной солидаризации. Проанализирована оценка межнациональных отношений населением республики в 2018–2019 гг., уровень этнической толерантности, основания межэтнического согласия и основные направления возможных напряжений в этнически дифференцированном обществе. 84% татарстанцев оценивают межнациональные отношения как доброжелательные и спокойные, с недоверием и неприязнью из-за национальности сталкивались 8% русских, 4,6% татар, 14% лиц других национальностей. Раскрываются представления татар, русских, людей других национальностей о равенстве возможностей в трудовой и общественно-политической сфере. Высокая конкурентность за рабочие места в условиях современной социально-экономической ситуации, справедливость / несправедливость в социальном продвижении и участии во власти определяются как основные источники возможных этнически маркированных социальных напряжений. Анализ основан на результатах репрезентативного опроса татарстанцев весной 2019 г. (2000 единиц наблюдения). Исследование реализовано Отделом этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН и Центром по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан.

Ключевые слова: межнациональные (межэтнические) отношения, этнически маркированное неравенство, межэтническое напряжение, этническая солидарность

Введение

Развитие межнациональных (межэтнических) отношений¹ в поликультурном обществе – динамичный процесс, детерминированный этнокультурным составом населения, теоретической вероятностью межэтнического общения, социальными позициями контактирующих групп, историческим прошлым, социально-экономической ситуацией в стране и субъектах Федерации, политическими реалиями, в том числе политикой государства и действиями общественных объединений.

Актуальность изучения характера взаимодействия людей разных национальностей определяется значимостью обеспечения их безопасности, благоприятного социально-психологического самочувствия и условий жизни, при которых каждому человеку гарантируется соблюдение равенства прав независимо от национальности, расы, религии и языка. Для государства же важно знать состояние согласия в пространстве социальной и этнической фрагментации для понимания целостности и степени интегрированности общества.

Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. предусмотрен общероссийский мониторинг межнациональных отношений. За очень редким исключением опросы в таких мониторинговых исследованиях не позволяют выявить мнения и настроения, установки, репрезентативные по этническому признаку, также не всегда есть возможность получить репрезентацию и в масштабе субъектов Федерации. Поэтому общероссийские опросы дополняются скоординированными по ряду позиций опросами в республиках, областях, краях.

В статье анализируются материалы мониторингового социологического исследования в республике Татарстан². Общероссийское внимание к республике Татарстан в конце 2018 и в 2019 годах не ослабевало. Это проявлялось в визитах руководства государства в республику по решению важнейших для развития страны вопросов в целом, во внимании к реакции в республике на подготовку изменений в Стратегии государственной национальной политики в 2018 г. и на события в республике, связанные с новым положением изучения государственного языка республики на добровольных началах.

Значимой для общественности была реакция на предложение губернатора Калужской области отмечать на общероссийском уровне «стояние на реке Угре» войск Ивана III и хана Большой орды Ахмеда в 1480 г. В Татарстане это было воспринято как акт, который наделён сильным идеологическим звучанием и может спровоцировать ненужное межнаци-

¹ В статье используется понятие «межнациональные (межэтнические) отношения» в соответствии с тем, как они именуются в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., где они приведены в такой формулировке, поскольку межнациональные отношения в дискурсе используются и в значении межгосударственных, отношений политических наций, а в данной статье речь идет о межличностном уровне отношений, отношениях между людьми разной национальности.

² Исследование проведено Отделом этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН и Центром по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан. Исследование проведено весной 2019 г., объем выборки 2000 единиц (1500 горожан, 500 жителей села). Погрешность выборки – 2,19. Кроме того были проведены 15 интервью с экспертами – специалистами по теме и общественниками НКО.

ональное напряжение. Это было учтено Государственной Думой, не поддержавшей такую инициативу. В 2020 г. в Татарстане готовятся отмечать 100-летие образования ТАССР и 30-летие принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана. В связи с этим предпринимаются усилия к тому, чтобы достойно и справедливо воспринимать прошлые события. Но всё же исторические юбилеи нередко актуализируют оценку и современных социальных и этнополитических отношений. Поэтому очевидно, что исследование общественного мнения по межэтническим отношениям в республике в 2019 г. было чрезвычайно актуальным.

Исследование имело целью выяснить оценку межэтнических отношений татарами, русскими и людьми других национальностей, основные направления возможных напряжений и основания согласия в социально и этнически дифференцированном обществе.

Задачи исследования:

- выявить особенности оценки межэтнических отношений на республиканском уровне, в месте проживания и в стране в целом;
- установить сферы, где люди не чувствуют или меньше чувствуют этнически маркированные напряжения и, наоборот, больше их ощущают;
- сопоставить представления людей о равенстве их возможностей независимо от национальности, языка и фактически реальные ущемления по оценкам людей разных национальностей.

Индикаторами мониторингового исследования были: доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных (межэтнических) отношений в РФ, в республике, в месте проживания; доля граждан, испытывающих неприязнь к людям других национальностей и доля граждан, которые испытывали неприязнь по отношению к себе из-за своей национальности; доля граждан, подтверждающая отсутствие в свой адрес дискриминации по признаку национальности, языка и религии в общей численности граждан республики¹.

Исследование выполнено в рамках сравнительной социологии. Межэтнические установки – позитивные и негативные, степень консолидированности сравниваются у людей разной национальности в стране в целом и в конкретном субъекте Федерации. Социально-культурный подход реализуется через измерение установок у людей с учётом их историко-культурного и этноконфессионального своеобразия. Для понимания этнических установок и оценок используются подходы из теории социально-психологической категоризации и теории границ Ф. Барта. Межэтнические отношения рассматриваются в концепции Г. Олпорта и его последователей с учётом последних работ Т. Петтигрю и Л. Тропп [Pettigrew, 2011] в теории контакта и коммуникации. При объяснении причин этнического негативизма учитывались идеи о социальном неравенстве и исключённости П. А. Сорокина, Э. Гидденса (1992), Т. И. Заславской (2001), Ф. М. Бородкина (2003), Н. Кэтинг (2017), Н. Е. Тихоновой (2002), П. Абрахамсон (2001).

¹ Включался также как индикатор доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, но в силу ограниченности объема статьи он рассматриваться не будет.

Межэтнические отношения

Анализ результатов мониторинговых опросов, материалов СМИ и онлайн ресурсов при изучении ситуации в Республике Татарстан показал заметные усилия власти, самоорганизующегося гражданского сдерживания в целях недопущения эскалации противоречий. Этнополитические противоречия в предшествующие два–три года, как известно, были связаны с окончанием срока действия в 2017 г. Договора между Российской Федерацией и Республикой Татарстан о разграничении полномочий¹, а также с изменениями в Законе об образовании от 2018 г., отменившими обязательное изучение государственных языков республик. В этом отношении Татарстан по-прежнему является для отечественного и мирового пространства опытом, демонстрирующим значение исторически накопленного ресурса «жить вместе» и умения власти регулировать противоречия, которые неизбежно встречаются в многонациональном, полиэтническом обществе.

О том, что и сейчас важно «держат ситуацию в поле внимания» говорит сохраняющаяся значимость этничности в сознании людей: 90% татар и 86% русских в Татарстане отвечают, что ощущают близость с людьми своей национальности, 48 и 46% соответственно – ощущают её в значительной степени. Среди татар *убеждены* в важности этнической солидарности («полностью согласен» с мнением «человеку нужно ощущать себя частью своей национальности») 43%, среди русских таких 36%.

Высокие показатели этнической солидарности татарстанцев совмещаются с их российской идентичностью. По данным опроса, подавляющее большинство татарстанцев обладают российской гражданской идентичностью (85%), причём в равной мере татары (84%) и русские (86%). И при этом те татарстанцы, которые проявляют установку этнической солидарности (поддерживают мнение, что «современному человеку нужно ощущать себя частью своей национальности») обладают столь же высокими, как и в среднем, показателями российской идентичности. Этот вывод справедлив в отношении татар и русских, и данная тенденция подтверждается на протяжении исследований 2015–2019 гг. Российская идентичность у татарстанцев была не меньше, а в тренде даже чуть выше общероссийских показателей в 2018 г., по данным ФАДН (79%), и была устойчивой, в то время как в целом по России несколько колебалась [Дробижева, 2019: 134–146].

Следует отметить, что это интересный опыт, когда при значимой этнической идентичности в обществе поддерживается достаточно высокая оценка состояния межэтнических отношений. В международной практике высокий уровень этнической идентичности обычно рассматривается как индикатор межэтнической напряжённости [Pettigrew, 2011]. В Татарстане же 84% татарстанцев оценивают межнациональные отношения в населённом пункте, где они живут, доброжелательными и спокойными. Различий в оценке между татарами и русскими

¹ Договор от 15 февраля 1994 года Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан.

практически нет (85% татар, 83% русских). Внешне спокойными, но внутренне напряжёнными отношения оценивают 10% респондентов (10% татар, 10,6% русских). Напряжёнными – около 1%, а затруднились оценить 4% татар и 7% русских (различия в 3% по условиям выборки незначимы).

Оценки межнациональных отношений не изменились с 2018 г. и сохраняют свою устойчивость (84,5 и 84% соответственно), несмотря на все дискуссии вокруг проблем изучения языка.

«Межнациональное согласие, это сообщество и власть, которые поддерживают многообразие и не допускают дискриминации по этническому признаку. Это и уважение друг к другу со стороны различных национальностей, проживающих и на территории Татарстана, и на территории России. Это гражданское общество, которое поддерживает толерантность» (молодая девушка, татарка, работник сферы образования).

«В целом состояние межэтнических отношений носит доброжелательный характер и находится в спокойной стадии, потому что в нашей республике в целом представители многих национальностей, проживавших долгое время на одной территории, хорошо соседствуют и взаимодействуют между собой» (молодая русская, работник музея).

«Всё-таки, все мы должны жить в мире. Это наша общая территория, и её сохранность, сохранение для наших потомков и качество нашей жизни зависит от нас самих» (мужчина, 22 года, татарин, сфера образования).

Как и в прошлом году, вопрос касался оценки межнациональных отношений в месте проживания респондента. Это было связано с тем, что подобные оценки более реалистичны, больше зависят от конкретного опыта общения, а не от слухов и впечатлений от прессы и ТВ.

В своих опросах ФАДН и ВЦИОМ спрашивают респондентов об отношении к многонациональности в республиках и областях. В нашем исследовании мы тоже задавали этот вопрос: «Как Вы считаете, тот факт, что в Республике Татарстан живут люди многих национальностей, по Вашему мнению, приносит ей больше пользы или больше вреда?».

Как показали результаты опроса, большинство респондентов (47%) соглашались с тем, что многонациональность приносит больше пользы, 38% затруднились с ответом. Вопрос достаточно сложный, и когда мы его задавали в других опросах, включая в шкалу позицию «в чём-то больше пользы, в чём-то вреда», то именно это мнение набирало большинство ответов. Но форма вопроса ФАДН более категорична, однако мы её оставили. Важно, что в оценке многонациональности позиции русских и татар практически совпадали (табл. 1).

Таблица 1

Оценка татарами и русскими многонациональности в Республике Татарстан,
% к опрошенным

«Как Вы считаете, тот факт, что в Республике Татарстан живут люди многих национальностей, приносит ей больше пользы или больше вреда?»	Национальность		Всего
	Татары	Русские	
Больше пользы	46,1	47,2	47,0
Больше вреда	15,0	13,7	14,7
Затруднились ответить	37,0	39,1	38,4

В сравнении с показателями 2018 г., несколько увеличилась доля затруднившихся с ответом на этот вопрос (38% в сравнении с 32,5% в 2018 г.), но это отличие незначительно.

Вопрос, который в ФАДН считали очень значимым, для России в целом не столь продуктивен. Когда мы сравниваем общероссийские данные с данными по регионам, мы делаем очень серьёзные нежелательные допущения, поскольку опыт и характер межэтнических контактов в разных республиках и областях сильно различаются. Одна ситуация, где есть опыт контактов, особенно давних, привычных, и совсем другая, когда о характере контактов узнают из СМИ и / или по слухам. Этот фактор даже на данных Татарстана очевиден: больше вреда от межэтнического общения видят селяне, которые о контактах чаще судят на основе событий, освещаемых в СМИ (22% против 12% в городах). Положительные стороны в многонациональности несколько чаще видят молодые люди (49% среди респондентов 18–30 лет и 44% среди тех, кому больше 50 лет), ибо у них больше опыта положительного или нейтрального общения.

По общероссийским опросам чаще дают положительные ответы на этот вопрос нерусские, которые в таких выборках чаще представлены людьми, дисперсно живущими в городах, а потому больше заинтересованные в позитивной оценке многонациональности, чем русские. Русские же оценивают многонациональность хуже. Иное дело в республиках, особенно там, где русские не являются большинством среди других национальностей (Татарстан, Чувашия, Саха (Якутия) и др.). И то, что в Татарстане русские также, как и татары оценивают многонациональность положительно (46% татар, 47% русских), является важным аргументом, подтверждающим позитивный тренд в межнациональных отношениях в республике.

На наш взгляд, есть более чувствительные индикаторы, отражающие межнациональные отношения.

При обсуждении итогов 2018 года на Коллегии ФАДН глава агентства И. В. Баринов, оценивая состояние межнациональных отношений, приводил данные о доле лиц, которые *«не сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей из-за своей национальности»* [Состоялось расширенное..., 2019]. Эти данные по стране удерживались на уровне 93%. В Татарстане в прошлом году данный показатель составлял 94%, в 2019 г. – 92%, то есть практически как и в целом по стране, и как в прошлом году в РТ. Среди лиц, которые сталкивались с такими проявлениями, русских было 2,4%, татар – 0,8%, а в целом 2% (1,7%). Среди затруднившихся с ответом русские составили 7,3%, татары – 4,5%. Расхождения по статистическим меркам и условиям выборки совсем незначительные. Мы сопоставим их далее с другими данными (табл. 2).

При ответе на вопрос, с чем были связаны нарушения прав, половина татар затруднились с ответом (среди русских – 13%), а те, кто называл сферы проявления ограничений возможностей, связывали их с конфликтными ситуациями на работе, устройством на работу в госучреждение, открытием своего дела (12,5% по каждой ситуации). Среди русских нарушения прав фиксировали в госучреждениях, судебных делах, в карьерном росте, при приёме на работу, в том числе из-за незнания татарского языка (4–4,5% в каждом случае).

«У части татар был комплекс неполноценности, то есть вот этот баланс равноправия был нарушен, и поэтому, конечно же, это всё вылилось в возмущения в конце 80-х – начале 90-х, когда были движения, митинги и так далее за равноправие культур. Но после того, как был принят закон о языках, когда установили равный статус государственных языков – и русского, и татарского – этот баланс выровнялся и, соответственно, люди перестали стесняться языка. И этот комплекс второсортности, неполноценности ушёл <...> Когда этот баланс нарушается, то тогда вновь возникает эта ситуация – кто выше, кто лучше, кто ниже, кто хуже, – и вот это нарушает баланс. И эта ситуация всегда чревата конфликтностью» (женщина, средний возраст, работник сферы науки).

Несколько больше ощущающих нарушение прав и возможностей из-за национальности было среди людей других национальностей – 3,9%. Скорее всего это были иммигранты, т. к. они связывали эти нарушения с меньшей оплатой труда (25%) и политикой – видимо, имеется в виду оформление на жительство, получение работы (25%). Таким образом, данные по этому показателю в Татарстане не хуже, чем по стране в целом, а этнический состав населения в республике также непростой.

Тип взаимодействия людей разной этничности в социально-экономической сфере в республике также непростой. Ещё в конце советского периода татары больше были заняты в сельском хозяйстве, а русские в промышленности. Они как бы дополняли друг друга в основных сферах деятельности. В госаппарате же русских было даже немного больше. Сейчас ситуация изменилась. Конечно, социологические опросы с нашей выборкой не дают таких репрезентативных данных, как Всероссийские переписи. Но всё же регулярно проводимые опросы показывают, что сейчас доля татар и русских, занятых в промышленности, практически одинакова (27–29% соответственно). В образовании, науке, культуре и органах государственного управления численность татар и русских отличается очень незначительно (14 и 15% в первой сфере, 3,6 и 2,6% во второй). Такой тип взаимодействия в науке называется «конкурирующий». Для межэтнических отношений он одновременно и сложный, и стимулирующий к достижениям. Эти социально-структурные особенности взаимодействия людей основных контактирующих национальностей надо учитывать и при анализе других показателей межэтнических отношений.

Одним из таких показателей, которые используются и в общероссийских опросах ФАДН – ВЦИОМ – ФОМ, являются ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам лично за последний год сталкиваться с недоверием или неприязнью к себе из-за Вашей национальности?». Это основной индикатор, который использовался для оценки уровня согласия, толерантности и показатели по нему по РТ не хуже, а в чём-то даже лучше, чем по России в целом (табл. 2).

Около 7% татарстанцев сталкивались с неприязнью и недоверием. Среди русских людей с такими психологическими ощущениями – 8%, а среди татар – 4,6%. Напомним, что с фактическими нарушениями прав и возможностей по национальному признаку сталкивалось 1% татар и 2% русских. Чаще всего негативизм ощущали не татары и русские, а люди других национальностей. Возможно, среди этих респондентов оказались иммигранты.

Таблица 2

Доля татар, русских, людей других национальностей, ощущавших неприязнь или недоверие по отношению к себе из-за своей национальности, % к опрошенным

«Сталкивались ли Вы с неприязнью или недоверием к себе из-за Вашей национальности?»	Национальность			Всего
	Татары	Русские	Другие национальности	
Да	4,6	8,0	13,7	6,7
Нет	92,3	86	76,5	88,8
Затруднились ответить	2,9	5,8	9,8	4,5

Ощущение недоверия и неприязни несколько чаще испытывают молодые люди (11% в возрасте 18–30 лет, 7% – старше 50 лет); примерно такое же соотношение наблюдается в отношении нарушения прав и ограничения возможностей (3 против 1%). Хотя различия статистически незначимы или малозначимы, но поскольку они в определённой мере прослеживаются, на это следует обратить внимание.

Практически нет различий в ощущении недоверия и неприязни среди жителей города и села, хотя уровень общения и возможность сравнений конкурсности в жизненных обстоятельствах в городе больше. На межэтнические установки селян чаще влияют вести из города и информация СМИ.

Для принятия управленческих решений важно обратить внимание и на те сферы жизни, в которых люди ощущают дискомфорт в связи с этническими и языковыми различиями.

Чаще недоверие или неприязнь ощущаются при устройстве на работу или в продвижении на работе: 16% среди татар, 36,6% среди русских; в общественных местах 44 и 42% соответственно; в госучреждениях – 18 и 13%; 18% татар и 7% русских чувствовали неприязнь в каких-то бытовых проявлениях.

Как видим, наиболее чувствительно и татары, и русские замечают проявления неприязни в общественных местах, где окружение обезличено. Особенно это заметно среди горожан (48 против 33% в селе). А в коллективах, на работе с недоверием и неприязнью чаще сталкиваются русские (около 40 против 16% среди татар).

Среди тех, кто ощущал недоверие и неприязнь в связи со своей этничностью, чаще всего сталкивались с этим в общественных местах (44%). Это отмечали и татары, и русские. Но в наибольшей мере это ощущали люди, принадлежащие к другим национальностям (50% ответов).

С ответами на вопрос об ощущении неприязни корреспондирует и практически совпадают ответы татарстанцев на вопрос о равенстве возможностей (рис. 1).

Среди татар равенство возможностей отметили 73%, среди русских – 58%. По значимости в отношении отсутствия равенства возможностей на первом месте находится общественно-политическая сфера. Полагают, что равенства возможностей нет около 23% опрошенных: среди них 70% татар и 77% русских. И это достаточно неординарная ситуация в первую очередь потому, что разрыв с ощущением равенства возможностей в других сферах достаточно значимый. Второй сферой неравен-

ства возможностей называют трудовую сферу: 44% татар и 57% русских. У русских разрыв между показателями в этих сферах в 20 п.п., у татар – 26 п.п. Сферы образования, культуры, а также возможности открытия бизнеса назвали 7–27% респондентов. При этом в определении иерархии сфер, где респонденты ощущают отсутствие равенства возможностей, разницы между татарами и русскими нет. Как и в целом среди жителей республики, на первом месте и те, и другие назвали общественно-политическую сферу. На втором месте – трудовую сферу, а далее – возможности бизнеса, образование, культура. Эта ситуация требует дальнейшего более углублённого изучения. Казалось бы, татары, живя в республике, в общественно-политической сфере должны себя чувствовать более удовлетворёнными. Можно предположить, что неравенство возможностей осознаётся ими в масштабах страны в целом. А русскими больше проецируется на восприятие их собственных возможностей в республике. Хотя русские в республиках так же, как и в других регионах, ощущают недостаточные возможности как-то влиять на ситуацию в общественно-политической сфере и в стране в целом.

Рис. 1. Мнение татарстанцев о равенстве возможностей независимо от национальности, % к опрошенным

Оценки более иерархически выражены, естественно, среди горожан и совсем мало (в пределах 1–4 п.п.) отличаются по оценкам сфер проявления неравенства среди селян, которые меньше всего видят равенство возможностей в организации бизнеса.

При ответах на прямой вопрос: «Вам лично за последний год пришлось сталкиваться с нарушением прав или ограничением возможностей из-за Вашей национальности?» 1,7% татарстанцев дали положительный ответ, 6% – затруднились с ответом, а 92% дали отрицательный ответ (95% татар и 90% русских соответственно).

Как видим, с реальным нарушением прав и возможностей сталкиваются намного меньше лиц, чем ощущают такие нарушения. Поэтому обратим внимание на то, что среди людей предубеждённых, нетолерантных, которые сами испытывают недоверие и неприязнь к лицам иной национальности, больше доля тех, кто полагает, что в республике национальность влияет и на назначение на высокий пост в органах власти, и на равенство возможностей людей из-за национальной принадлежности и негативно оценивающих межнациональные отношения (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Представления о нарушениях прав и возможностей нетолерантных и толерантных людей,
% к опрошенным

Ощущение влияния национальности	«Вы лично испытываете чувство недоверия или неприязни к представителям других национальностей?»			
	Да	Нет	З/О	Всего
На равенство возможностей человека в республике	9,0	5,0	2,0	5,0
На возможность занять важный пост в органах власти	53,0	35,0	36,0	36,3
С тем, что приходилось за последний год сталкиваться с нарушением прав и ограничением возможностей	5,0	1,0	2,0	2,0

Таблица 4

Оценка межэтнических отношений толерантными и интолерантными татарстанцами,
% к опрошенным

Оценка межэтнических отношений	«Вы лично испытываете чувство недоверия или неприязни к представителям других национальностей?»			
	Да	Нет	З/О	Всего
Доброжелательные и спокойные	65,0	87,0	76,0	84,0
Внешне спокойные, но внутренне напряжение существует	20,0	9,0	12,0	10,0
Напряжённые	4,7	0,1	11,2	0,7
На грани открытых столкновений	1,2	0,2	-	0,3
Затруднились ответить	8,7	3,7	10,7	5,3

Именно люди с негативными межэтническими установками чаще считают возможными серьёзные межэтнические конфликты. Считающих, что конфликты возможны в том месте, где живут респонденты, в Татарстане 18%, но среди тех, кто неприязненно относится к людям других национальностей, таких 28%, а среди толерантных – 17% (коэффициент связи этих признаков фиксируется критерием χ^2 Пирсона – 0,000).

Насилие считают недопустимым в межнациональных и межрелигиозных спорах 77% опрошенных (75% татар и 79% русских). Но *«если нарушается справедливость в отношении моего народа или моей веры»*, то 17% татар и 18% русских считают насилие допустимым. При этом, среди толерантных людей (не испытывающих неприязни к людям других национальностей) допускают такие методы 14%, а среди нетолерантных – 40% (коэффициент связи χ^2 Пирсона – 0,000).

Допускающих, что *«все средства хороши для защиты своего народа»*, т. е. людей с радикальной настроенностью на этнонациональной почве – 18%. Но среди интолерантных придерживающихся данной позиции 27%, а среди толерантных – 10%.

На межэтнические установки людей сейчас практически не влияет материальное положение и не так заметно влияет возраст.

Таким образом, ощущения равенства возможностей людьми, в том числе в сфере участия во власти, справедливостью в социальном продвижении, в трудовой карьере, высокой конкурентностью за рабочие места в условиях современной социально-экономической ситуации в стране становятся основными источниками межнациональной (межэтнической) напряжённости. Причем более заметно конкурентность воспринимается молодёжью. Влияние национальности при устройстве и продвижении по работе отметили 41% молодёжи в возрасте 18–30 лет (против 18% среди тех, кто старше 50 лет). Все отмеченные источники напряжения имеют место и в других субъектах Федерации [Межнациональное согласие..., 2018: 504–505].

Общероссийская гражданская идентичность как ресурс межэтнического согласия

В мировой практике (Т. Петтигрю и Л. Тропп) и при анализе общероссийских социологических исследований [Дробижева, 2017] установлено, что гражданская идентичность влияет на снижение этнических предубеждений (ксенофобий, как говорят политологи).

В Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. с изменениями, внесёнными Указом Президента РФ в декабре 2018 г., «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Такое полное определение российской гражданской идентичности соответствует положениям Конституции Российской Федерации 1993 г. и принятым правовым актам. Тем не менее оно достаточно новое для российских граждан, которые по-разному его воспринимают. Для одной части наших сограждан – это просто страновое понятие, они идентифицируют себя с жителями на российском пространстве (в географическом понимании), для другой части – это принадлежность прежде всего к государству. Наконец, для многих общероссийская гражданская идентичность – общность на основе исторического прошлого или на основе общих элементов в культуре.

Таким образом, наша общероссийская идентичность составная. Она включает элементы государственной идентичности, гражданственности, сознания историко-культурной общности. Но в прошлом общесоветская культура была достаточно привычным понятием в массовом сознании: это был советский человек с советской идеологией, ценностями, сформировавшимися в том числе на основе произведений советской литературы и искусства. Теперь таких единых представлений нет, чаще всего под общероссийской культурой понимается та часть в культуре каждого народа, которая связывается с общечеловеческими ценностями или русской культурой, культурой других российских народов.

Учитывая эту сложность, в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. в пункте 11.1 сказано: «общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты». И далее: «современное российское общество объединяет единый культурный код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации <...> интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру». Вторая фраза как бы дополняет первое утверждение, которое могло бы восприниматься как тенденция к аккультурации или доминированию. Но очевидно, что акцентирование на культурной доминанте в российской идентичности не соответствует именно общероссийской гражданской идентичности. Не случайно в Стратегии введено не просто понятие гражданская идентичность, а «общероссийская гражданская идентичность».

Для оценки восприятия российской гражданской идентичности татарстанцами в опросный лист был введён вопрос: «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России; с жителями Татарстана; с людьми той же национальности, что и Вы; с людьми Вашей веры; с жителями города / села». По общероссийским данным ФАДН, которые приводятся и в новом тексте Стратегии государственной национальной политики, в России в начале 2018 г. 84% населения ответили об ощущении связи с гражданами России¹.

Руководство Республики Татарстан при проведении крупнейших мероприятий подчёркивало их общероссийский характер («мы в России», «это мероприятие – общероссийское») – Универсиада-2013, матчи Чемпионата мира по футболу 2018 г., и эта политика принесла ощутимые результаты: исследование интернет-сетей показало, что в Татарстане слова «россияне», «российское» употребляется чаще, чем в других российских республиках. В 2019 г. 85% татарстанцев ответили, что они ощущают близость с гражданами России (84% татар и 86% русских). В 2017 г. так ответили 83%. Расхождения по условиям выборки незначимые.

В Татарстане же у русских гражданская идентичность в 2019 г. была даже чуть выше, чем по общероссийским данным – 86%. Среди татар общероссийская идентичность составляет 84%, практически как среди русских. Но для русских их этническая идентичность во многом совпадает с российской, а у татар в РТ она своя (представление о территории не толь-

¹ По данным RLMS-HSE – наиболее репрезентативного исследования в России – в 2014–2015 гг. российская идентичность колебалась в пределах 74,5–84%, в конце 2018 г. – 74–78%.

ко как об общероссийской, но и республиканской, язык, культура не только русские, но и татарские, история общая и татарская). И тем не менее различий в масштабах распространения этой идентичности, доле людей, соотносивших себя с общероссийской общностью, практически не было.

Идентичность может быть только называемой, номинальной, а может быть и ассоциативной, консолидирующей – с ощущением более или менее сильной связи с общностью. В значительной степени ощущают связь с гражданами России 41% татар, 53% русских и 55% среди людей других национальностей. В этом отношении татары и русские также ощущали себя и в 2018 г., у людей других национальностей такая идентичность выросла на 7 п.п. Среди горожан идентификация с гражданами России несколько шире распространена, чем в селе – 87 против 79%, и «в значительной степени» у горожан она встречается чаще, чем у селян.

В Татарстане наиболее распространена сдвоенная идентичность, при которой люди ощущают себя *в равной степени* татарстанцем и россиянином (55% в 2017 г., 53% в 2018 г., 56% в 2019 г.). Сдвоенная идентичность в Татарстане и выступает в качестве стабильной основы благополучных межэтнических отношений.

В исследовании 2019 г. с помощью глубинных интервью была возможность познакомиться с восприятием смыслов российской идентичности специалистами или представителями тех групп населения, которые могли прогнозировать тренды изменений в идентичности. Экспертами выступали в основном люди молодого и среднего возраста. Большинство из них прошли подготовку на специальных семинарах, так что в известной мере через них можно проверить, «как слово учёных отзовется». Приведём некоторые выдержки из интервью, характеризующие представления о российской идентичности.

«...Быть россиянином – значит принимать культурный код российский, т. е. быть его частью, чтобы он был внутри тебя, это внутреннее мироощущение, это, конечно же, знание языка, но здесь очень сложно в этом плане в России, потому что в России есть один общий язык для всех, и национальные языки в республиках во всех, потому что Россия многонациональная страна. Но, наверное, для того, чтобы ощущать себя россиянином, надо знать русский язык, хотя бы как-то, потому что это единственный государственный язык, общий для всех язык, для всего государства. Ну и собственно говоря, иметь гражданство Российской Федерации, наверное, вот эти три основных момента... В моём понимании Татарстан – это часть Российской Федерации. И татары, и русские это граждане Российской Федерации. Если эти люди являются гражданами Российской Федерации, то их интересы должно защищать государство, т. к. они граждане Российской Федерации и они платят налоги, на которое существуют государство» (молодой специалист из КФУ, по отцу башкир, по матери татарин).

Другие не сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей из-за своей национальности и фиксируют внимание на общих целях в Федерации, истории.

«Общероссийская идентичность – это представления о том, что они являются гражданами России, что Россия – одно из великих государств с богатейшей историей, со своими великими

достижениями в политическом плане. Это ощущение сопричастности к большой стране с великой историей. Мне кажется, оно является важным фактором того, что люди проецируются именно в качестве граждан России, Российской Федерации... Это некие общие цели, общегосударственные, то есть мы должны видеть, что у нас есть эти общие цели и мы их как сограждане должны решать, как нам стремиться к такой цели... Рос авторитет армии последний год и, соответственно, росла и общегражданская идентичность. И наличие некого символа... Сейчас все говорят о каких-то реформах, о прорыве, но при этом, этот прорыв будет осуществляться за счёт самих граждан. Но ещё есть знаменитые Большая земля, Москва или за Уралом, т. е. у них есть своя сложившаяся чёткая региональная идентичность. Да, если она примет вот такие ещё более обострённые формы... Всякое возможно. Национальные республики тоже в своё плавание отправятся, если этот раскол не купировать, не обратить вспять... Сейчас для меня общегражданская идентичность – восприятие себя как гражданином многонационального поликультурного образования, именно в политическом, территориальном, как Россия, Российская Федерация» (специалист в сфере межэтнических отношений, среднего возраста, русский).

«Объединяет граждан России, на мой взгляд, это прежде всего наша богатая история, которая многие годы объединяла граждан не только нашей страны, но и стран СНГ. Через связь с ушедшими поколениями мы понимаем, насколько важно в современных условиях сохранить мир и согласие среди многочисленных народов России. Несмотря на то, что у каждого народа есть своя собственная история, своя культура, традиции, обычаи, уникальные обряды, мы все должны понимать, что мы граждане одной большой страны... У моих друзей, и у меня огромное чувство гордости за победы нашей страны в прошлом ...» (молодой специалист, русская (её муж татарин)).

Российскую идентичность многие связывают с культурой и чувством ответственности за жизнь в стране. «Быть россиянином в первую очередь, наверное, иметь российский паспорт, раз я гражданин России, принадлежать культуре этой страны, быть активным гражданином, участвовать в жизни своего города, своего района. Жизнь страны, её судьба зависят от её жителей. Нужно чувствовать ответственность за всё это. Паспорт – это, конечно, больше некая юридическая формальность, но без этого также никак. Можно стать гражданином, получив паспорт этого государства, но стать своим можно только изучив культуру, вникнув в неё, окунувшись в неё. Такому человеку всё равно больше доверяешь» (молодой активист, русский).

Интервьюируемые отмечали многонациональность российской идентичности, правовое равенство в ней. «Быть россиянином – быть частью многонационального народа, то есть вот это вот без громких слов. То есть мне всегда нравилось, что мы живём в России, где можно, грубо говоря, поехать в соседнюю республику и там какие-то другие люди живут. Нас около 200 национальностей живут. И если ты всё это открыто принимаешь, значит это новые знания, новые формы, новая среда и так далее. Вот для меня в этом плане быть россиянином, быть

максимально открытым к различным проявлениям этой идентичности. То есть ты реально можешь, не выезжая за пределы собственной страны, зная русский язык, например, или зная тюркские языки, со всем этим общаться. Вот это для меня важно» (журналист, активист татарской молодёжной организации).

«Для меня эти ценности остались неизменными – свобода, равенство и братство. Невзирая на национальность, религию или иные различия между людьми, все люди братья и относиться нужно уважительно, уважая свободу каждого (но есть пределы – нарушение законодательства), а так каждый может жить, как он хочет, а как же ещё? Это же личная свобода, которая защищена конституцией» (специалист среднего возраста, татарин).

Российскость связывается с равенством народов и пространственными представлениями.

«Мне не совсем важно соотносить себя с русскими, потому что я родилась в Татарстане, и здесь меня больше окружают татары, татарская культура, и я не чувствую себя русской, не была воспитана в русской культуре и у меня нет близости с ними... Быть россиянином – значит обладать определённым набором прав, возможностей, не больше. Чтобы ощущать общероссийскую идентичность, нужно проехать по стране, и это не только близлежащие регионы, не считая Москвы и Питера, а куда-нибудь совсем далеко, например, в Новосибирск, Чукотку, Сахалин. А я там не была и поэтому мне сложно судить. Территориально, географически есть такое понимание, что это страна единая, потому что с учебниками с самого детства знакомишься, сейчас работаешь, смотришь, а вот с людьми, чтобы близость ощущать – нет такого... Гражданская идентичность, наверное, это то, что там нет какой-то лидирующей национальности, не доминирует там русский, допустим, как титульный народ, а у всех равные права, равные возможности, и все хорошие внутренние взаимоотношения между людьми» (молодой специалист сферы образования).

Многослойность общероссийской идентичности осознаётся порой достаточно чётко. Вот характерное мнение:

«Граждан объединяет само государство. Тем более, что в последнее время мы видим, что у нас государственность усиливается, много этому уделяется внимания. И я знаю, что многим нравится, допустим, лидер страны – Путин. То, что он отстаивает интересы страны, что он прямо и без обиняков заявляет об интересах России на международной арене, то есть вот это людям очень импонирует. Законы – это чисто регулятивные вещи. А вот история, территория, культура – эти вот аспекты, они наполнены смыслами, они наполнены эмоциями, и я думаю, что вот как раз они в большей мере и объединяют людей страны... Я бы разделила, скажем, российскую идентичность, потому что она в большей мере выражает такое цивилизационное начало, то есть это Россия как страна, со своей историей, со своей культурой. А гражданская идентичность она больше ассоциируется с какими-то правовыми вещами, т. е. это гражданин, который стремится законы соблюдать, делать что-то полезное для

своей страны, выполнять гражданский долг свой какой-то... Очень важно снизу воспитывать это стремление к балансу ценности всех культур, что все эти народы под шапкой общей российской идентичности живут, они должны сохраняться – и культуры, и обычаи, и языки, это очень важно. И это вот снизу тоже важно воспитывать. В принципе, с детского сада можно уже закладывать вот эту вот ценность межкультурного общения, значимость всех культур. Поэтому это такой очень комплексный и многосторонний процесс» (специалист, среднего возраста, татарка).

Как видим, основания российской идентичности прочитываются в глубинных интервью. Это общее государство, историческое прошлое, культура; слабее осознается, но всё же присутствует значимость общего законодательного, правового пространства, ответственности за дела в стране; озвучивается идея соединенности большой и малой родины. В ряде интервью содержится горечь от нереализованных надежд на экономическое процветание страны в целом, реализации возможностей молодёжью.

Среди людей с гражданской идентичностью гораздо меньше тех, кто не испытывает предубеждений в отношении других национальностей. Эта закономерность подтверждается данными по Татарстану (табл. 5).

Таблица 5

Гражданская идентичность татар и русских и этнический негативизм в 2019 г.,
% к опрошенным

Испытывают или не испытывают чувства неприязни к представителям других национальностей	Ощущение близости с гражданами России			
	В значительной степени		Не ощущают близости	
	Русские	Татары	Русские	Татары
Да	8	6	9	16
Нет	86	81	72	68

Как видим, и среди татар, и среди русских те, кто ощущают близкую связь с гражданами России, то есть имеют выраженную гражданскую идентичность, чаще не испытывают неприязни к людям другой национальности: различия составляют 14 п.п. у русских¹ и 13 п.п. у татар².

Таким образом, общероссийская идентичность не только консолидирует людей разных национальностей, но и содействует межнациональному согласию.

* * *

Общий благоприятных характер межэтнических отношений, который проявился в оценках самих татарстанцев (84% оценили их как доброжелательные и спокойные), состоит в том, что 71% полагают, что в местах их проживания конфликты не могут произойти, а 93% считают, что насилие в межнациональных спорах недопустимо. Всё это говорит о положительном эффекте управления сферой межнациональных отношений в Республике Татарстан в непростой ситуации баланса интересов

¹ χ^2 Пирсона 0,390.

² Коэффициент связи χ^2 Пирсона высокий 0,000.

татар, русских, а также представителей иных национальностей. Это также результат усилий самоорганизующегося гражданского сдерживания ради недопущения эскалации противоречий. В этом отношении Татарстан по-прежнему является для отечественного и мирового пространства опытом, демонстрирующим значение исторически накопленного ресурса «жить вместе» и умения регулировать противоречия, которые неизбежно встречаются в многонациональном, полиэтническом обществе.

Среди данных последних опросов обращает на себя внимание в ответах о равенстве возможностей то, что пятая часть населения не ощущает его в общественно-политической сфере. Эта сфера регулируется легче, чем экономическая, но она влияет на социально-психологическое состояние людей, добавляет или убавляет их силы в повседневной деятельности – труде, общении с людьми, семейной жизни. Поэтому в этой ситуации задача и государства, и общества состоит в том, чтобы обратить внимание на реализацию равенства людей разных национальностей в общественно-политической сфере.

Список литературы

Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.

Дробижева Л. М. Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политическом дискурсе и массовом сознании // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 134–146. DOI: [10.31857/S086904990005821-5](https://doi.org/10.31857/S086904990005821-5).

Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / [Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова и др.]; Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

Состоялось расширенное заседание коллегии Федерального агентства по делам национальностей, в ходе которого подведены итоги работы ведомства в 2018 году и обсуждены направления дальнейшей работы. [Электронный ресурс] // ФАДН: [веб-сайт]. 16 апреля 2019. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2019/04/16/3749-sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-federalnogo-agentstva-po-delam-natsionalnostey-v-hode-kotorogo-podvedeny-itogi-raboty-vedomstva-v-2018-godu-i-obsuzhdeny-napravleniya-dalneyshey-raboty> (дата обращения: 14.10.2019).

Pettigrew T. F., Tropp L. R. When groups meet: The dynamics of Intergroup contact. New York: Psychology Press. 2011. P. 156–171.

Е. Ю. Щеголькова

Межнациональные (межэтнические) отношения (на примере Республики Саха (Якутия))

DOI: 10.19181/inab.2019.1.2

Щеголькова Елена Юрьевна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: le_na_3@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 687863

Для цитирования: Щеголькова Е. Ю. Межнациональные (межэтнические) отношения (на примере Республики Саха (Якутия)) // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 24–37. DOI: 10.19181/inab.2019.1.2

Аннотация. Статья ставит целью представить динамику межэтнических отношений по результатам социологических исследований, реализованных в разные годы в Республике Саха (Якутия). В статье рассматриваются факторы, определяющие межэтнические установки. Для анализа используются следующие показатели: оценка межнациональных отношений, данные об отсутствии дискриминационных практик, отношение граждан к людям другой культуры. Представлены этнически дифференцированные оценки межнациональных взаимодействий населения республики. Межэтнические отношения в Республике Саха (Якутия) заметно лучше оцениваются населением в местах их проживания, чем в республике в целом. 77% якутян оценили их как доброжелательные и нормальные с низкой вероятностью конфликтов и столкновений на межнациональной почве. Эти показатели близки к общероссийским. Динамика этнонациональных установок саха и русских демонстрирует позитивный тренд – более половины опрошенных характеризуются устойчивым отсутствием враждебности к людям иных национальностей. 83% опрошенных якутян не сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей из-за национальности при поступлении на работу, продвижении по службе и т. д. Негативный опыт ущемления прав и возможностей влияет на восприятие межнациональных отношений – те, кто имел такой негативный опыт лично, чаще оценивают межнациональную обстановку в своём населённом пункте как напряжённую и взрывоопасную.

Ключевые слова: межнациональные отношения; межэтнические установки; межнациональное согласие.

Введение

Благоприятное развитие межэтнических отношений в условиях многонациональной страны является одним из важных факторов политической стабильности. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ состояния межэтнической ситуации, сложившейся как в стране в целом, так и в отдельных регионах и национальных республиках.

Рассматривая межнациональные отношения как взаимодействие людей разных национальностей (этничности) на личностном и групповом уровнях в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни, мы принимали во внимание их динамичность и изменчивость в зависимости от разных факторов. На состояние и характер межнациональных отношений влияют: исторические, культурные, социальные, политические, ситуативные и социально-экономические обстоятельства. Также значение имеют уровень межкультурной контактности, сложившиеся межэтнические установки, характеризующиеся ориентацией на взаимодействие с людьми другой культуры или религии.

В своей исследовательской стратегии мы, с одной стороны, руководствовались общепринятой в мировой науке и практике необходимостью учёта разных факторов в межнациональных отношениях, а с другой – целевыми показателями реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.

Регионом изучения был самый большой и ресурсный субъект Российской Федерации – Республика Саха (Якутия). На этой богатейшей и суровой территории межэтнические отношения традиционно фокусировались вокруг взаимодействия саха и русских. На примере этого региона мы имеем возможность проанализировать особенности межэтнических взаимодействий в ситуации, когда одна из сторон, составляющая половину населения, – национальность, дающая название республике.

В исследовании межнациональные отношения измерялись:

- оценкой межнациональных отношений не только в регионе, но и в пункте проживания, в трудовом коллективе;
- отсутствием / наличием чувства враждебности к людям другой национальности;
- отсутствием / наличием дискриминационных практик по этническому признаку в оценках людей разных национальностей.

Эти показатели были заложены в опросном листе, ряд показателей сходен с теми, что используются в мониторинговых опросах ФАДН, общероссийских исследованиях научных центров и центров изучения общественного мнения, а также в исследованиях на других территориях. Хотя некоторые сюжеты рассматриваются по возможности с привлечением материалов общероссийских опросов, всё же значимой эмпирической базой стали опросы, проведённые на территории Республики Саха (Якутии) в разные годы¹.

Рассмотрим более детально особенности межэтнических отношений.

Оценки межнациональной ситуации, сложившейся в республике, выглядят следующим образом (рис. 1).

Свыше 40% опрошенных считают, что межэтническая ситуация в республике благоприятная (сумма ответов «доброжелательные» и «нормальные, бесконфликтные»). На наличие некоторого напряжения и конфликтности указали 34% респондентов. Явные признаки взрывоопас-

¹ Использовались данные опроса 2012 г., осуществлённого по проекту «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (рук. Л. М. Дробижева), результаты опросов 2013 и 2015 гг., проведённых Институтом социологии РАН совместно с Информационным центром при Главе Республики Саха (Якутия).

ности межэтнической ситуации отметили только 4%. Около 20% респондентов затруднились с однозначной оценкой ситуации в этой сфере. На фоне оптимистичных данных по стране в целом (положительно оценивают межнациональные отношения по данным ФАДН–ВЦИОМ – 78,9%, ФСО – 78,4%), данные по республике выглядят несколько тревожно.

Рис. 1. Оценка межнациональных отношений в Республике Саха (Якутия), 2019 г., % от опрошенных

В экспертных мнениях подчёркивается, что «у нас в республике одна из наиболее спокойных ситуаций. Очень спокойная ситуация в межнациональных отношениях» (эксперт, общественник), а определённый вклад в градус напряжённости вносят внутриреспубликанские мигранты, преимущественно из числа вчерашних сельских жителей: «Когда мы начинаем изучать и смотреть на бытовом уровне участников каких-то межнациональных конфликтов, то, как правило, это приезжие из улусов» (эксперт, сфера управления).

Если ситуацию в самом большом по территории субъекте Федерации респонденты в какой-то степени оценивают, основываясь на публикациях в СМИ, Интернет-контенте, сообщениях в мессенджерах (например, WhatsApp), то характеристики межэтнических отношений в пункте проживания респондентов носят более конкретный характер.

Стабильность межнациональных отношений в населённом пункте, в котором они проживают сами, респонденты склонны оценивать более положительно, чем положение в республике в целом (рис. 2).

Преобладающая по численности группа респондентов **положительно оценивает межэтнические отношения** в месте проживания (76% саха-якутов, 74% русских), при этом 10% саха-якутов и 16% русских говорят о напряжённости ситуации.

Рис. 2. Оценка межнациональных отношений местными жителями в пункте проживания в зависимости от национальности, РС(Я), 2019 г., % от опрошенных

Таким образом, очевидно ситуация в республике в целом оценивается на основе сообщений СМИ и Интернета, а в месте проживания на основе собственного опыта.

Оценки ситуации на местах подкрепляются данными о частоте столкновений на межнациональной почве в пунктах проживания. Все ответившие респонденты независимо от их национальной принадлежности с одинаковой частотой отмечают факт отсутствия межнациональных столкновений в своём городе, селе. Лишь 3% якутян отметили, что подобные события случаются, большинство же ответили, что они редки или не происходят вовсе (27 и 54% соответственно). Низкая доля оценивающих негативно межнациональные отношения, конечно, не означает, что никаких противоречий нет и люди не сталкиваются с какими-то отрицательными явлениями.

Представленные данные позволяют зафиксировать существенную дифференциацию положительных и негативных оценок ситуации в республике в целом и в населённом пункте в частности. Таким образом, оценки ситуации на уровне населённого пункта в 1,5–2 раза лучше, чем на уровне республики.

Гораздо большие, чем между русскими и саха, разрывы в оценках зафиксированы между жителями разных типов поселений и районов республики (табл. 1).

Таблица 1

Оценка межнациональных отношений в пункте проживания
в зависимости от типа поселения, района, 2019 г., % от опрошенных

Типы поселений и районов республики		«Как Вы сейчас оценили бы межнациональные отношения в Вашем городе, селе?»			
		Доброжелательные	Нормальные, бесконфликтные	Напряжённые, конфликтные	Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения
Тип населённого пункта*	г. Якутск	7	42	32	4
	Города и ПГТ	18	71	4	-
	Села	19	68	4	-
Группы районов*	г. Якутск	7	42	32	4
	«Центральная группа»	24	63	4	-
	«Виллюйская группа»	6	76	4	-
	«Промышленная группа»	17	73	3	-
	«Северная группа»	23	69	4	-

Примечание: * $p \leq 0,05$.

Более благоприятна ситуация в сельских населённых пунктах и моноэтнических районах. В городах, где проживают представители различных национальностей, межэтнические отношения оцениваются более сдержанно. Особенно тревожной на этом фоне выглядит ситуация в г. Якутске, где около трети опрошенных отметили напряжённость, а 4% даже взрывоопасность.

Миграция последних лет «изменила облик Якутска. Если раньше в нем проживало 70% русских и 30% якутов, то сегодня, наверное, 60% якутов и 40% русских и других национальностей, в целом. Это меняет социальную карту, потому что эти люди в большинстве работают в частных структурах и не всегда имеют социальные пакеты, т. е. они не защищены со стороны государства. Частники же сейчас стараются как можно меньше платить этим людям. Естественно, они тоже в какой-то степени чувствуют себя не совсем городскими и не совсем устроенными». Поэтому в главном городе республики необходимо осуществлять регулярный мониторинг ситуации: «Мы понимаем, что настроение общественное делается в городе Якутске. Во всех смыслах этого. У нас есть средства массовой информации здесь, у нас и блогеры здесь, все новости идут из Якутска, значит, они там все сидят в WhatsApp, ловят, что здесь происходит. То, конечно, весь этот негатив, который идёт от города, то он распространяется на остальных. Это как зараза» (эксперт сферы управления).

Поскольку оценки подвержены влиянию, в том числе и ситуативных факторов, возможно, они связаны с событиями, случившимися в марте 2019 г. в Якутске, резонансно отразившихся на мнениях людей.

Эксперты склонны списывать такие тревожные показатели напряжённости по республике именно на это: «В этом году весной у нас опрос происходил. Это было на волне тех событий с киргизами ...» (общественник).

Итак, жители республики оценивают межэтническую ситуацию, сложившуюся в местах их проживания, значительно более позитивно, чем в республике в целом. В оценке межнационального климата в республике нет однозначного мнения, респонденты разделились в своих ответах: 44% считают отношения нормальными и благоприятными, 34% – характеризуют их как напряжённые, 4% – способными перерасти в открытые столкновения. Позитивным в оценке межэтнических отношений является то, что в местах проживания доминирует положительный настрой. Подтверждением положительной оценки межэтнического климата служит низкая частота межэтнических столкновений, отмеченная респондентами.

Рассмотрим уровни этнической симпатии (доля отметивших, что не испытывают враждебности чувства к представителям других национальностей) и этнической антипатии (доля признающих, что существуют национальности, к которым они испытывают негативные чувства) среди опрошенных респондентов в республике.

Перед респондентами ставился вопрос: «Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?». Отвечая на подобные, поставленные прямо вопросы об испытываемых чувствах, человек может проявлять реальную установку и даже готовность к действию.

Рис. 3. Ощущение неприязни к людям других национальностей в РС(Я), 2013, 2015, 2019 гг., % от опрошенных

По данным исследования, испытывают неприязнь к людям иной национальности 7% опрошенных, ещё 27% испытывают такую неприязнь иногда, что в совокупности составляет 34% опрошенных, так или иначе негативно относящихся к людям иной национальности (рис. 3). Отрицают нетерпимое отношение к представителям других национальностей 60% опрошенных жителей республики, т. е. более половины респондентов характеризуются устойчивым отсутствием враждебности к «иным», «другим».

Отметим как позитивный факт некоторую нисходящую динамику числа респондентов, в различной степени демонстрирующих негативные установки по сравнению с 2013 и 2015 гг. – с 48 и 42% (суммированы ответы «да» и «иногда» в 2013 и 2015 гг.) до 34% (сумма ответов «да» и «иногда» в 2019 г.), но в сравнении с общероссийскими данными у жителей республики их больше.

По общероссийским данным опросов ведущих центров изучения общественного мнения, уровень межнациональной напряжённости с 2014 г. по 2016–2017 гг. также снижался. Средняя по стране доля людей, с недоверием и неприязнью относящихся к представителям той или иной национальности, по данным ФАДН составляла 17% при 6% затруднившихся с ответом¹. Открытая межнациональная напряжённость, выражающаяся в чувствах неприязни к представителям каких-либо национальностей, по данным седьмой волны мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН в 2018 г., наблюдалась у 8% опрошенных россиян, и 35% согласились с тем, что они «иногда испытывают» такие чувства, что сближает показатели Саха (Якутии) с общероссийскими. Но по данным ВЦИОМ и ФАДН, 86% граждан «не испытывали неприязнь к людям другой национальности».

Более терпимы по отношению к иноэтничному населению русские участники опроса (рис. 4).

Рис. 4. Ощущение неприязни к людям других национальностей в зависимости от национальности в РС(Я), 2019 г., % от опрошенных

¹ По данным опроса ВЦИОМ, проведённого по заказу ФАДН в апреле 2016 г.

С разницей в 20 п.п. дали отрицательный ответ на этот вопрос («Нет, не испытывали») 52% саха-якутов и 73% русских; 32% саха-якутов и 21% русских откровенно признались, что испытывают такие чувства иногда, сказали прямо – «да, испытываю» в 5 раз больше саха-якутов (10%), чем русских (2%). Таким образом, установки респондентов саха-якутов в большей степени негативны, чем у русских опрошенных.

Вместе с тем динамика этнонациональных установок саха и русских демонстрирует позитивный тренд (табл. 2).

Таблица 2

Ощущение неприязни к людям других национальностей
в зависимости от национальности в РС(Я), в 2015 и 2019 гг., % от опрошенных

«А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-либо национальностей?»	2015		2019	
	Саха-якуты	Русские	Саха-якуты	Русские
Да	11	7	10	2
Иногда	35	31	32	21
Нет	37	50	52	73
Затруднились ответить	17	12	6	4

В большей мере эти изменения коснулись установок русского населения республики. Наблюдается значительное увеличение доли не испытывающих негативные чувства к людям других национальностей за счёт уменьшения доли скрытых негативистов и сомневающихся. Здесь следует отметить, что предпочтение позиций этнической симпатии / антипатии, свидетельствующее скорее о склонности к оценочным суждениям о представителях тех или иных национальностей, а не о склонности респондента к дружбе или враждебности по отношению к людям других национальностей, подвержено изменениям под влиянием разных обстоятельств.

Рассмотрим, с чем это может быть связано. Считается, что одним из факторов, позитивно влияющих на предпочтение этнической симпатии / антипатии, является образование (табл. 3).

Таблица 3

Ощущение враждебности к людям других национальностей в РС(Я)
в зависимости от образования, 2019 г., % от опрошенных

«А Вы лично испытываете или не испытываете неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?»	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее
Да	7	9	4
Иногда	24	26	31
Нет	64	61	58
Затруднились ответить	5	4	7

При зафиксированном уровне достоверной связи¹ с образованием респондентов отношение к представителям других национальностей в республике существенно не различается. У представителей разных возрастных когорт также значимых различий не выявлено (табл. 4).

Таблица 4

Ощущение неприязни к людям других национальностей в РС(Я)
в зависимости от возраста, 2019 г., % от опрошенных

«А Вы лично испытываете или не испытываете неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?»	Возрастные когорты, лет		
	18–30	31–50	51 и старше
Да	6	6	9
Иногда	29	30	21
Нет	60	58	65
Затруднились ответить	6	6	6

Более осторожны в своих благоприятных установках респонденты в возрастной когорте 31–50 лет и люди с высшим образованием. Это наблюдение представляется важным ввиду распространённого в общественном сознании стереотипа относительно доминирования среди молодёжи негативных этноустановок. Образование расширяет мировоззрение, углубляет понимание других культур, однако не является гарантией от предубеждённости, т. к. уровень образования взаимосвязан с другими факторами.

А вот межэтнические установки самого человека (отношение к людям другой национальности) оказывают непосредственное воздействие на оценку отношений между людьми разных национальностей. Так, например, те, кто сами испытывают чувство неприязни к людям других национальностей, на 19 п.п. реже оценивают межнациональные отношения в республике как нормальные и бесконфликтные.

Обратим также внимание на то, что среди людей предубеждённых, которые сами испытывают недоверие и неприязнь к лицам иной национальности, половина тех, кто полагает, что в республике национальность влияет и на трудоустройство, и на назначение на высокий пост в органах власти, и на равенство возможностей людей из-за национальной принадлежности. Такая же доля респондентов (50%) убеждена в этом и среди тех, кто негативно оценивает межнациональные отношения в пунктах проживания. Большая часть тех, кто является носителями негативных межнациональных установок, могут проецировать их в сферы реального взаимодействия. Это является сигналом к тому, чтобы уделить особое внимание мерам профилактики неуважения к другим среди тех граждан, кто является носителями этих негативных установок с присущим им ожиданием угрозы со стороны людей иной национальности.

Кроме того, респонденты с негативными межэтническими установками чаще считают возможными серьёзные межэтнические конфликты. Всего считающих, что конфликты случаются часто в том месте, где живут

¹ χ^2 Пирсона на уровне $\leq 0,01$.

респонденты, в Якутии 3%, среди тех, кто неприязненно относится к людям других национальностей – 10%, а среди толерантных – 2% (коэффициент связи этих признаков фиксируется критерием χ^2 Пирсона – 0,000).

Эта неприязнь прежде всего направлена на представителей Средней Азии (киргизов, таджиков, узбеков – 43% опрошенных), почти в 2 раза меньше доля опрошенных, у которой вызывают неприязнь представители народов российского Северного Кавказа и жители Закавказья (в совокупности 20% упоминаний), а также приезжие в целом (15%). Совпадение в оценках респондентов якутской и русской национальностей говорит о том, что их претензии адресованы к иноэтничным представителям, не проживающим постоянно на территории республики, т. е. мигрантам. Именно приезжим, а не местным инокультурным гражданам, чаще предъявляются такие претензии, как нарушение норм повседневной культуры, нежелание считаться с окружающими и т. д. Неприязнь жителей не направлена на основные взаимодействующие группы населения республики (русские и саха-якуты в этом списке практически отсутствуют). Такая раздражительность не распространяется на русско-якутские отношения. Люди осознают ценность устоявшихся традиций совместного проживания. Как говорили эксперты: *«Первична стабильность непосредственно между самим местным населением»*.

В целом же опрошенные констатируют мирное существование двух основных этнических групп в республике – русских и саха-якутов, но отмечают наличие негативных проявлений в отношении, в основном, приезжих: *«Мы видим, что местное население и славяноязычное население как-то лучше друг друга понимают, то теперь мы видим, что они оба не очень хорошо относятся вот к этой третьей волне, например, миграции»*; *«отношения между русскими и саха сильно-сильно улучшились за последнее время»* (эксперт, блогер). Таким образом, представители основных национальностей республики отличаются друг от друга по уровню неприязни (42% саха и 23% русских), но сходны в основных объектах, на которые она направлена, т. е. можно сказать, что, например, у русских эта неприязнь менее распространена, чем у саха-якутов, но и у тех, и у других она направлена на приезжих, мигрантов. Более того, на антипатиях «местного» населения никак не сказывается антропологический фактор: и русские, и саха-якуты проявляют сходный уровень негативизма по отношению к одним и тем же группам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общая тенденция межэтнического негативизма в РС(Я) – это негативизм по отношению к мигрантам, независимо от национальной принадлежности представителей «местного» населения. Существующие проблемы пока не критичны, но дальнейшее усиление миграционного притока и его реструктуризация (в частности, увеличение доли мигрантов из т. н. «дальнего зарубежья») может с большой степенью вероятности поставить этнический вопрос более остро, особенно с учётом того, что именно к ним направлены основные претензии на разных уровнях взаимодействий. Такая направленность негативного вектора этнонациональных установок в сторону приезжих говорит скорее о защитной реакции на ощущаемый миграционный приток, об «оборонительных» настроениях населения и о готовности в случае необходимости защищаться: *«<...> что мы наблюдали, в том числе в кон-*

це марта, – это не есть какая-то агрессия вызванная, скажем так, ну собственно какими-то такими, простите за тавтологию, агрессивными настроениями, сколько самозащита» (эксперт сферы управления).

Обратимся к рассмотрению ещё одного показателя, который введён для оценки реализации Стратегии государственной национальной политики, а именно – дискриминация по этническому признаку в оценке людей разных национальностей. В оценке состояния межнациональных отношений этот индикатор позволяет выделить разные формы проявления этнического негативизма.

По данным опросов ФАДН, 93% граждан подтверждают «отсутствие дискриминации по признакам национальности, языка, религии», т. е. не сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей из-за национальности при поступлении на работу, продвижении, обращении в госучреждения. По данным ВЦИОМ, с проявлениями неприязни, нарушением прав из-за национальности сталкивались 8% россиян, при этом среди нерусских таких – 13%¹.

В анализируемом опросе было поставлено два связанных вопроса, фиксирующих восприятие реального проявления дискриминации по этническому признаку, что является одним из факторов, влияющих на оценку респондентами межнациональных отношений и дающих дополнительную информацию о ситуации в республике.

В республике на вопрос «Вам лично приходилось за последний год сталкиваться с нарушением прав или ограничениями возможностей из-за Вашей национальности?» 83% ответили отрицательно (табл. 5).

Таблица 5

Ущемления прав и возможностей по национальному признаку в РС(Я), 2019 г,
% от опрошенных

«Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться с нарушением Ваших прав или ограничением возможностей из-за Вашей национальной принадлежности?»	Национальности			Всего
	Саха-якуты	Русские	Другие	
Да, сталкивался	12	12	15	12
Нет, не сталкивался	81	86	79	83
Затруднились ответить	7	2	6	5

Приведённые данные показывают, что на вопрос о личном опыте дискриминации своих прав и возможностей из-за национальности утвердительно ответили 12% опрошенных в республике. Различий в оценке между русскими и саха-якутами нет. Представители других национальностей немного чаще ощущали негативизм, возможно, среди этих респондентов оказались и приезжие (15%).

С нарушением прав и ограничением возможностей несколько чаще сталкиваются 31–40-летние (16%) и люди предпенсионного возраста (50–61 год – 14%), и хотя различия статистически незначимы или мало-значимы, но мы можем говорить о тенденции проявления дискриминационных практик по отношению к людям, находящимся в самом активном

¹ Итоги этих исследований нашли отражение в статье: [Хайкин, Бережкова, 2016].

и конкурентном возрасте и на «закате» трудовой деятельности. Жителям г. Якутска чаще жителей других населённых пунктов приходилось сталкиваться с ограничениями их возможностей по национальному признаку, т. к. жизненные обстоятельства проживания в крупном городе обеспечивают плотный уровень общения, возможность постоянных сравнений и конкурентности. Число ощущающих ущемлённость дополняют внутриреспубликанские мигранты – приезжие из улусов, отличающихся моноэтничностью: *«Когда человек был малолетним, вырос в этническом пространстве, и вдруг очутился тут, он будет себя чувствовать ущемлённым во всех мелочах: бытовых, духовных и ещё чёрт знает каких. Потому что он не готов. Он в обособленном этническом пространстве вырос. Я это очень много раз замечала. Я сама сразу вижу людей, кто готов заранее обидеться, потому что он вообще не готов к общению с другими национальностями»* (эксперт-специалист).

С точки зрения социально-профессиональной деятельности объектами дискриминационных практик чаще становятся предприниматели (21%) и работники государственного аппарата (19%), далее следуют руководители предприятий и организаций (16%), т. е. работники высококонкурентных сфер столкновения интересов основных взаимодействующих национальных групп республики. Подтверждением этого может быть то, что 100% среди занятых сельскохозяйственной деятельностью, подавляющая часть которых саха-якуты, никогда не сталкивались с ущемлениями и ограничениями.

Практики ущемления прав и возможностей влияют на восприятие межнациональных отношений в пункте проживания. Так, например, те, кто имел такой негативный опыт лично, чаще оценивают межнациональную обстановку в своём населённом пункте как напряжённую и взрывоопасную (27 против 12%) (табл. 6).

Таблица 6

Оценка характера межнациональных отношений в населённом пункте
в зависимости от ощущения ущемления прав из-за национальности, РС(Я), 2019 г.,
% к опрошенным

«Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться с нарушением Ваших прав или ограничением возможностей из-за Вашей национальной принадлежности?»	Оценка характера межнациональных отношений в населённом пункте				
	Доброжелательные, способствующие общественному согласию	Нормальные, бесконфликтные	Напряжённые, конфликтные	Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	Затруднились ответить
Да, сталкивался	9	50	21	6	13
Нет, не сталкивался	16	64	11	1	8

При ответе на вопрос, с чем были связаны нарушения прав тех, кто сталкивался с такими проявлениями, 17% саха-якутов затруднились с ответом (среди русских – 2%). А те, кто называл сферы проявления ограничений возможностей, связывали их прежде всего с бытовыми случаями, ситуациями в учебных заведениях и устройством на работу (37, 23 и 13% по каждому поводу соответственно) (табл. 7).

Таблица 7

Сферы проявления ущемлений по мнению саха-якутов и русских, РС(Я), 2019 г.
% от опрошенных

«В чём ущемление прав или возможностей из-за Вашей национальной принадлежности проявлялось в последний раз ...?»	Национальность			Всего
	Саха-якуты	Русские	Другие	
...при устройстве на работу	14	13	14	13
...при продвижении по службе	6	4	7	5
... в вузе, техникуме, школе	24	23	14	23
...при получении жилья	2	7	-	4
...при открытии своего дела	1	2	14	2
...в бытовых случаях	34	45	29	37
...в представительстве людей моей национальности в правительстве, органах власти	-	4	-	1
Другое	2	2	21	4
Затруднились ответить	17	2	-	10

Как видно из данных таблицы 7, из всех перечисленных ситуаций, по мнению респондентов, испытывавших негативные практики дискриминации, вероятнее всего ущемления проявляются в ситуациях интенсивных межэтнических контактов. Среди русских 45% опрошенных нарушения прав фиксировали в бытовой сфере (частые случаи в повседневной жизни, когда люди сталкиваются с предвзятым отношением к себе из-за своей национальной принадлежности). При этом одинаковые доли саха-якутов и русских (23%) выделяют школы и вузы как пространство проявления дискриминации. Таким образом, представления якутян о реальной, бытовой дискриминации, с которой они сами сталкивались в повседневной жизни, выше, чем представления об ущемлении прав при трудоустройстве и карьерном росте.

В действительности с реальным нарушением прав и возможностей сталкиваются меньше лиц, чем ощущают такие нарушения. Эти данные подтверждаются и ответами на вопрос о том, влияет ли национальная принадлежность на возможность трудоустроиться на самую лучшую работу, занять высокий пост в органах власти, открыть своё дело в республике. Около половины жителей Саха (Якутии) не считают, что национальность является одним из тех факторов, который влияет на трудоустройство в республике на самые лучшие рабочие места и властные посты. Меньше всего респондентов полагают, что подобное влияние есть в сфере предпринимательства.

Выводы

Межэтнические отношения в Республике Саха (Якутия) заметно лучше оцениваются населением в местах их проживания, чем в республике в целом. 77% якутян оценили их как доброжелательные и нормальные с низкой вероятностью конфликтов и столкновений на межнациональной

почве. Эти показатели близки к общероссийским. Но оценки отношений в республике в целом ниже, чем в среднем по стране и в некоторых других республиках.

Наиболее тревожная ситуация сложилась в Якутске, где одна треть жителей оценили межнациональные отношения как напряжённые и на грани взрывоопасности (44% респондентов полагают, что межнациональные отношения в Саха (Якутии) благоприятные и нормальные, и 34% охарактеризовали их как напряжённые). Фокус-группы и глубинные интервью показали, что саха-якуты и местные русские ценят устоявшиеся традиции совместного проживания. В республике с высокой частотой реальных этноконтактов в столице и некоторых городах большая доля жителей (более половины опрошенных) характеризуется *устойчивым отсутствием враждебности к людям иных национальностей*. С дискриминацией по признаку национальности сталкивались 12% саха и русских. По данным ВЦИОМ, в 2016 г. среди россиян таких было 8%. Тем не менее из тех, кто сталкивался с ущемлениями, 20% саха и 17% русских отмечали такие проявления при устройстве на работу и продвижении по службе, 24% и 23% в вузе и школе и чаще всего в бытовых ситуациях – 34% саха и 45% русских.

Представления о влиянии национальности на возможности продвижений в социально-экономической и общественно-политической сферах чаще фиксируются в оценках людей, чем в реальной жизни. На это указывает то, что подавляющему большинству респондентов (83%) за последнее время не приходилось сталкиваться с проявлениями дискриминации по принципу национальной принадлежности. Но общеразделяемые мнения и личные убеждения, не всегда согласующиеся с действительностью, оказывают двустороннее воздействие на поведение и оценку ситуации.

Таким образом, усилия власти и общества должны быть направлены не только на стремление предоставить по возможности равные условия для людей вне зависимости от национальности, но и на искоренение этнических предубеждений. Это сложный процесс, на который работают, в том числе, оценка и желание поддержать позитивные стороны жизни. Так, в РС(Я) важно то, что более 80% якутян удовлетворены своей жизнью в целом, чуть больше таких среди людей с высшим образованием и в возрасте 31–50 лет, находящихся на пике своих жизненных устремлений. Это является важным ресурсом поддержания и сохранения согласия в республике.

Список литературы

Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.07).

С. В. Рыжова

Этническая солидарность и доверие в Республике Татарстан

DOI: 10.19181/inab.2019.1.3

Рыжова Светлана Валентиновна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: Silica2@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 75912

Для цитирования: Рыжова С. В. Этническая солидарность и доверие в Республике Татарстан // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 38–49. DOI: 10.19181/inab.2019.1.3

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования доверия и этнической солидарности в Республике Татарстан (РТ), осуществлённого в 2019 г. Этническая солидарность в РТ сохраняется на высоком уровне, 74% татарстанцев согласны с тем, что современному человеку нужно ощущать себя частью своей национальности; при этом высокие показатели этнической солидарности татарстанцев не мешают формированию их российской идентичности. Уровень обобщённого доверия в Татарстане соответствует уровню доверия в других российских регионах, приближаясь к 50%, и это даёт основание считать, что в регионе восстанавливается подорванная постсоветскими трансформациями культура доверия. Установки обобщённого доверия и недоверия находятся в относительном балансе. Делается вывод, что этническая солидарность, межэтническое и межконфессиональное доверие являются устойчивыми социокультурными характеристиками, поддерживающими благоприятный тренд развития межнациональных отношений в РТ.

Ключевые слова: этническая солидарность, этническая идентичность, обобщённое доверие, межэтническое доверие, культура доверия.

Доверие и солидарность как социокультурные основания общественного единства приобретают особую значимость в регионах с длительной историей межэтнических взаимодействий. В Татарстане, как и других республиках РФ, где этничность закреплена институционально, характер межэтнических отношений в значительной мере определяется уровнем *межэтнического* доверия и *этнической* солидарности. Как показывают исследования Отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, культура доверия, формирующаяся в регионах с различным уровнем межэтнических контактов, служит действенным механизмом регулирования межэтнических отношений [Межнациональное согласие..., 2016].

В качестве элементов республиканской культуры доверия в статье анализируется межэтническое, внутриэтническое и обобщённое доверие. Для оценки потенциала этнической идентичности основных контактирую-

щих национальностей (татар и русских), рассматриваются характеристики этнической идентичности и этническая солидарность¹.

Подход к анализу этнической солидарности опирается на понятие солидарности, разработанное в трудах Э. Дюркгейма и получившее дальнейшее развитие в работах Т. Парсонса, Н. Лумана, П. Сорокина, А. Гофмана. С опорой на социологический подход, понимающий социальную солидарность как взаимозависимость людей и возникающее на её основе чувство единства, *этническую солидарность* можно понимать как переживание взаимной зависимости и сопричастности к социальному целому – «своему народу», возникающее на основе осознания общей этнической принадлежности. В таком понимании этническая солидарность демонстрирует меру локальной этнической консолидации, построенной на аффилятивных мотивах принадлежности к своей этнической группе, сопричастности её культуре и исторической судьбе.

Доверие в самом общем смысле понимается как ожидание благоприятного поведения с чьей-либо стороны в неопределённой ситуации, уверенность в том, что эта сторона выполнит взятые на себя обязательства [Штомпка, 2014; Ильин, 2013]. Обобщённое доверие (доверие людям в целом) является наиболее универсальным видом доверия, характеризующим общество в целом (или отдельные его локальности), оно формируется постепенно, надстраиваясь над межличностным доверием и выражает потенциал модернизационных преобразований и гражданского участия. В международных исследованиях [Инглхарт, Вельцель, 2011] установлено, что гражданам государств с высоким уровнем благосостояния и личной безопасности свойственен более высокий уровень обобщённого доверия. Особенно актуальна оценка уровня обобщённого доверия в условиях значительного миграционного притока и высокого этнического разнообразия, характерных для многонациональных регионов России, к числу которых относится и Республика Татарстан. В Татарстане как регионе православно-исламского пограничья, межэтническое и межконфессиональное доверие отражает также культурную дистанцию в сложившихся этноконфессиональных и межрелигиозных отношениях.

Межличностное доверие (родственникам, соседям, коллегам и друзьям) свидетельствует о потенциале формирования региональной культуры доверия, являющейся основой для более широких гражданских ассоциаций. Эмпирически доказано, что недоверие сдерживает потенциал общественной самоорганизации, питает межэтническую напряжённость и предрассудки, создает риски для развития этнических фобий [Межнациональное согласие..., 2016; Козырева, 2008]. Культура доверия, формирующаяся на основе доверительных межличностных отношений между людьми разной этнической и религиозной принадлежности, стабилизирует сферу межнациональных отношений и служит социокультурной основой для экономического развития региона.

Индикатором, позволяющим оценить уровень этнической солидарности (потребность в принадлежности к «своему» этническому сообществу), служило согласие с высказыванием «в наше время человеку нужно ощущать

¹ Исследование осуществлено в Республике Татарстан в 2019 г. (выборочная совокупность 2000 ед.) совместно Центром исследований межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН и РОО «Центр по изучению дискриминаций, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан». Для сравнения привлекаются данные опросов 2015–2018 гг., проведённые в РТ по сопоставимой выборке и инструментарию. Приводятся данные глубинных интервью с экспертами в сфере межнациональных отношений, активистами общественных движений, специалистами в различных сферах деятельности, учащимися.

себя частью своей национальности»¹. Респонденту предлагалось также противоположное по смыслу высказывание «в наше время человеку *необязательно* чувствовать себя частью своей национальности», отражающее меру этнической индифферентности; учитывалась мера согласия с каждым суждением.

Уровень обобщённого доверия изучался с помощью 4-балльной шкалы доверия / недоверия. Задавался вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?», респондентам предлагалось выбрать один ответ из четырех возможных: «*большинству людей точно можно доверять*», «*большинству людей скорее можно доверять*», «*большинству людей скорее нельзя доверять*», «*большинству людей точно нельзя доверять*».

Этническая солидарность и этническая идентичность

Этническая солидарность и этническая идентичность в Татарстане сохраняют свою значимость. Исследованием фиксируется устойчивая тенденция: в 2019 г., как и в 2017–2018 гг., подавляющее большинство респондентов (74%) проявляют установку этнической солидарности (соглашаясь с мнением, что «*в наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности*»). При этом 40% полностью ним согласны и ещё 34% «скорее согласны» (табл. 1). Татары несколько чаще в сравнении с русскими соглашались с этим мнением – его разделяют 78% татар и 70% русских (табл. 2).

Таблица 1

Этническая солидарность в Татарстане, 2017–2019 гг., % от опрошенных

В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности	2017	2018	2019
Полностью согласен	36	36	40
Скорее согласен	35	34	34
В целом согласны	71	70	74
Скорее не согласен	11	11	10
Не согласен	5	5	5
В целом не согласны	16	16	15
Затрудняюсь ответить	13	14	11
В наше время человеку необязательно чувствовать себя частью своей национальности	2017	2018	2019
Полностью согласен	10	8	6
Скорее согласен	14	15	15
В целом согласны	24	23	21
Скорее не согласен	27	31	32
Не согласен	30	31	31
В целом не согласны	57	62	63
Затрудняюсь ответить	19	15	16

¹ В 2019 и 2018 гг. этот вопрос используется в редакции: «В наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности».

Также в 2019 г. сохраняется тенденция, проявляющаяся на протяжении опросов 2015–2018 гг., согласно которой среди татар несколько выше доля тех, кто *убеждён* важности этнической солидарности (ответ «полностью согласен»). Среди татар в 2019 г. такой позиции придерживаются 43%, среди русских – 36%. Среди татар эта доля стабильна на протяжении 2015–2019 гг. Среди русских в период 2015–2018 гг. доля убеждённых в необходимости принадлежать своему этническому сообществу снизилась с 39 до 30% (на 9 п.п.), но в 2019 г. вновь поднялась до 36% (табл. 2).

Таблица 2

Этническая солидарность татар и русских Татарстана, 2015–2019 гг., % от опрошенных

Год	Татары				Русские			
	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности								
2015	41	32	10	6	39	33	10	6
2016	42	33	11	3	36	33	15	6
2017	41	34	12	3	30	36	11	7
2018	41	31	11	4	30	37	12	6
2019	43	35	8	4	36	34	11	8
В наше время человеку необязательно чувствовать себя частью своей национальности								
2015	7	14	26	36	8	14	25	38
2016	10	14	29	31	14	17	28	27
2017	9	13	27	36	11	15	29	23
2018	6	15	28	36	10	16	34	25
2019	4	13	34	33	7	18	31	29

Исследования Отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН последних 25 лет показывают, что этническая солидарность формируется на основе интенсивно переживаемой, субъективно значимой этнической идентичности, индикатором которой в эмпирических исследованиях служит ощущение *тесной близости* с людьми своей национальности. При ответе на вопрос: «*В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей национальности...*» 47% татарстанцев ощущают близость с людьми своей национальности «в значительной степени», ещё 41% ощущают её в «некоторой степени» и лишь 6% вовсе не испытывают чувства близости с людьми своей национальности, в равной степени среди татар и русских. Если объединить ответы «ощущаю в значительной степени» и «ощущаю в некоторой степени», то можно увидеть, что подавляющее большинство татарстанцев (88%, в равной степени в городской и сельской среде) в той или иной мере ощущают близость с людьми своей национальности. В сравнении с 2018 г. этот показатель остался на прежнем уровне.

Можно отметить некоторые межпоколенческие различия – среди старших возрастных групп (старше 51 года) тесную близость с людьми своей национальности ощущают 52%, среди молодёжи (18–30 лет) –

44%. В интервью эксперт отмечает, что *«...человеку важно принадлежать к какой-то группе (семье, трудовому коллективу, студенческой семье), но важно принадлежать к тому народу в широком смысле слова, к которому ты относишься. Принадлежность к национальности определяет тот культурный и исторический багаж, который он приобретает, он у каждого свой, уникальный. Принадлежность, её ощущение – это почти знак равенства того, что твой народ сделал до тебя, исторические победы, спортивные и так далее»* (эксперт, 45 лет, татарин).

Ощущение принадлежности к этнической общности позволяет человеку реализовать потребность в тесных социальных связях, подкрепляет чувства эмоциональной защищённости: *«Может быть каких-то родственных связей не хватает или чувства защиты, чувства причастности к чему-то. Видимо, нет сфер, куда можно себя приставить, а тут национальность, нечто единое, там не надо быть красивым, здоровым, тебя примут в любом виде, и косоного, и кривоного, и глупого, без каких-либо достижений. Некоторые социальные слои требуют каких-то достижений, а национальность ничего подобного не требует, наверное, важно поэтому себя ощущать им»* (работник сферы образования, 26 лет, русская).

В интервью с активистами общественных движений Татарстана и экспертами в сфере межнациональных отношений неоднократно звучит тема ценности и значимости этничности для любого человека и необходимость уважения национальной культуры других народов: *«Мне кажется очень важно являться представителем своей национальности, при этом уважать другие. У каждой национальности свои уникальные особенности и многие стремятся их продемонстрировать. Это гордость и уважение к своим корням и предкам. Это очень важно знать свою культуру и традиции, которые впоследствии будут передаваться детям в своей семье. Многим — это важно»* (работник учреждения культуры, 29 лет, русская). Отмечается, что сближает со своим народом язык, культура и историческое прошлое.

Язык воспринимается как главенствующий признак этничности: *«...язык, общая история, общее самосознание, культурные какие-то или традиции, или новые какие-то вещи, какие-то этнические маркеры – начиная от кухни и заканчивая каким-то элементом может быть одежды»* (эксперт, активист общественного движения, 33 года, татарин).

В качестве средства общения язык выполняет этнообъединяющую функцию: *«...с людьми на родном языке проще общаться. Да и язык выступает инструментом общения в целом. А общение – это главное условие существования вообще народа, ведь если не будет контактов, общения между людьми, то не будет ни народа, ни страны»* (активист общественного движения, 19 лет, русский).

Ситуация утраты языка нередко воспринимается (в том числе, экспертами) как утрата этничности. В таком случае этничность нужно восполнить какими-то другими этническими маркерами: *«Моя теория такая, что если человек не знает татарский язык, то он должен (...) восполнить свою этничность каким-то другим способом, то есть, есть некий набор этнических маркеров, которые он должен применять. Не знаешь язык – давай поинтересуйся хотя бы историей, не тянешься к исто-*

рии – ну ходи в театр. Какой-то элемент одежды, который фиксирует. Или в мечеть ходи почаще. Ну вот он набор – он на самом деле большой, и из этого набора ты что-то, чтобы актуализировать свою этничность» (эксперт, активист общественного движения, 33 года, татарин).

Чувство этнической солидарности наиболее ярко проявляется во время национально-окрашенных культурных мероприятий, при актуализации исторической памяти. Сложившаяся на протяжении столетий общая праздничная культура – светская и религиозная – поддерживает взаимное уважение культурных традиций народов республики: «Практически у каждой национальности существует какой-то свой национальный масштабный праздник, некий бренд или визитная карточка того или иного народа. Например, Сабантуй, Каравон, Уяв, Питрау и т. д. – праздники, значимые для определённого народа, многие из которых воссоздают традицию <...> Такие праздники сейчас проводятся для того, чтобы с размахом заявить о своей самобытности, продемонстрировать свои отличительные признаки и качества другим этническим сообществам» (работник учреждения культуры, 29 лет, русская).

Немаловажное значение имеет религиозность, которая также может актуализировать этническую идентичность, в том числе через проповедь на татарском языке. Из интервью: «Я как раз за то, чтобы вагаз [проповедь] был на татарском языке, потому что хоть где-то я слышу литературный татарский язык. Где-то и какая-то религиозность мне важна именно на родном языке. Конечно, пусть каких-то пара мечетей будет в Казани на русском языке, потому что у нас много кто не знает татарский, но в основном в Татарстане для меня важно, чтобы мечети работали на татарском языке. Потому что я видел это время, когда очень быстро мечети стали переходить на русский язык, вот очень быстро – прям за полгода буквально, год, и смотришь – и нет уже татарского языка, и не слышно. Осознали они утерю, быстренько вернулись, но очень резко тоже, конечно» (эксперт, активист общественного движения, 33 года, татарин).

Наиболее выпукло ценностное отношение к своей этничности проявляется, по мнению активистов и экспертов, среди людей старших возрастных групп. Хотя графа «национальность» не присутствует в паспорте современного россиянина, тем не менее для людей старшего поколения именно институциональное закрепление этничности послужило основанием к тому, чтобы этническая идентичность приобрела особую значимость. Эксперт отмечает: «Опять же, есть такой фактор у старшего поколения как была пятая графа в паспорте, когда люди рождались в советское время, у них уже в свидетельстве о рождении и в паспорте потом национальность фиксировалась. Она как бы срослась с человеком. И поэтому вот это поколение – это уже часть их идентичности, вот прямо такая установленная, приписанная, и вот они с ней живут и не могут расстаться уже, они привыкли к этому уже за всю свою жизнь» (эксперт, работник в сфере науки, 58 лет, татарка).

В ходе глубинных интервью неоднократно отмечалось, что региональная республиканская идентичность для татарстанцев сегодня является не менее важной, чем их этническая идентичность, а для татар вообще трудно отделить этническую идентичность от их региональной, республиканской

идентичности. По данным опроса, в той или иной мере ощущают близость, связь со всеми жителями Татарстана 88% – и это соответствует доле тех татарстанцев, кто ощущает близость с людьми своей национальности: *«Из моего опыта – региональное гораздо больше важнее, чем национальное <...> Национальность не то чтобы больше размыта, но человек может быть с тобой одной и той же национальности, и вероисповедания, но когда ты из одного региона, тебе проще понять этого человека, это именно менталитет и восприятие жизни, жизненные установки. <...> от которых человек отталкивается вообще на протяжении всей своей жизни (эксперт, активист общественного движения, 33 года). «Для татар элементы их этнической идентичности одновременно являются и их частью татарстанской идентичности. Даже для татар, живущих за пределами Татарстана, Татарстан для них важен как символ своей государственности (эксперт, активист общественного движения, 33 года, татарин).*

Вместе с тем, столь же устойчива, хотя значительно менее распространена среди татарстанцев, и установка, *не признающая* значимости этнической идентичности, подразумевающая индифферентное отношение к своей этничности, когда последняя не представляет для человека личностной ценности.

Мнения «в наше время человеку *необязательно* чувствовать себя частью своей национальности» придерживаются 21% респондентов (по сумме ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»). Убеждены в этом 6% («полностью согласны»), склоняются к этому мнению 15% («скорее согласны»). Если посмотреть на эти данные сквозь призму этнических различий, то можно заметить, что не испытывают актуальной потребности в принадлежности к своей этнической общности 25% русских и 17% татар (см. табл. 1).

Из интервью: *«я считаю себя в первую очередь россиянином, человеком, который живёт в России. И я не выпячиваю на первое место свою национальную составляющую, свое национальное происхождение. <...> На самом деле для меня не очень важно. Объясню почему. На самом деле к своему стыду я не знаю ни татарский, ни башкирский языки. Я знаю только русский. Изначально с детства я воспитывался в такой среде. И родной язык для меня это русский, я считаю, что это очень важный фактор, который влияет»* (учащийся, 25 лет, башкир).

В 2019 г. установка этнической солидарности (считающих, что человеку важно «ощущать себя частью своей национальности») выше среди сельчан (79%), чем среди горожан (69%); в 2018 г. различий не фиксировалось. Среди молодёжи (18–30 лет) эта установка выражена слабее, чем среди тех, кому больше 50 лет. Этническая солидарность выше среди людей со средним и неоконченным средним образованием. Материальное положение также оказывает влияние на её формирование – среди бедных слоёв населения («денег хватает только на питание, но одежду и обувь купить не можем») она снижается до 66% (с 74% в среднем). Эти тенденции стабильны на протяжении 2017–2019 гг.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что высокие показатели этнической солидарности татарстанцев не мешают формированию их российской идентичности. По данным опроса, подавляющее большинство

татарстанцев обладают российской идентичностью (85%) – в равной мере татары (84%) и русские (86%). И при этом те татарстанцы, кто проявляет установку этнической солидарности (поддерживают мнение, что «современному человеку нужно ощущать себя частью своей национальности») обладают столь же высокими, как и в среднем, показателями российской идентичности. Этот вывод справедлив в отношении татар и русских, тенденция подтверждается на протяжении исследований 2015–2019 гг.

Уровень доверия

Культура доверия, формирующаяся в региональном сообществе на базе межличностного, межгруппового (межэтнического и межконфессионального), обобщённого доверия, может активно участвовать в предупреждении межэтнической напряжённости. Формируясь на основе доверительных межличностных отношений, в том числе среди людей различной этнической и религиозной принадлежности, она поддерживает и стабилизирует сферу межэтнических отношений в целом.

Уровень обобщённого доверия в Татарстане в 2019 г. составил 48% (в 2018 – 46%) (см. табл. 3). Он одинаков среди татар и русских, в городской и сельской среде. В Татарстане его уровень такой же, как и в других российских регионах, где проводились исследования Отдела этнической социологии Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН (Республике Башкортостан, Ставропольском крае, Республике Карелия, Астраханской, Калининградской, Московской областях и в Москве). Как и в 2018 г., уровень обобщённого *недоверия* в Татарстане ниже (в сравнении с другими регионами) – здесь он составляет 41%, при том, что в иных регионах его уровень приближается (и иногда превышает) 50%; этот результат обусловлен тем, что в РТ выше доля респондентов, затруднившихся с ответом (табл. 3).

Таблица 3

Уровень обобщённого доверия в Татарстане в 2018 и 2019 гг.
в зависимости от национальности респондентов, % от опрошенных

Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?	2018			2019		
	Татары	Русские	В целом в РТ	Татары	Русские	В целом в РТ
Большинству людей точно можно доверять	7	9	8	5	5	6
Большинству людей скорее можно доверять	38	39	38	43	42	42
В целом доверяют	45	48	46	48	47	48
Большинству людей скорее нельзя доверять	31	28	29	28	30	29
Большинству людей точно нельзя доверять	12	11	12	12	12	12
В целом не доверяют	43	39	41	40	42	41

Как и в других российских регионах, в Республике Татарстан уровень обобщённого доверия приближается к 50% и это даёт основание считать, что культура доверия, подорванная в 1990-х гг. экономическими, политическими трансформациями, кризисом государственного управления, постепенно восстанавливается. В настоящее время установки обобщённого доверия и недоверия в РТ находятся в относительном балансе. Прогнозируемый рост уровня обобщённого доверия (как и возможное его снижение) отражает динамику межэтнических отношений в республике и вектор её модернизационного развития. Важной характеристикой стабильных межэтнических отношений и межэтнической толерантности является доверие в отношении людей *других национальностей и другой религии*.

Культура доверия складывается на основе опыта сотрудничества, стабильных благоприятных межличностных отношений, в том числе людей разных национальностей. Исследование показывает, что межличностное доверие в отношении членов семьи, друзей, соседей и коллег в Татарстане (как и в других регионах) высокое и оно может рассматриваться как основа для формирования повседневной культуры доверия и структур гражданского общества. Как и в других регионах, уровень межличностного доверия в Татарстане значительно превышает уровень обобщённого доверия. Наибольший аванс доверия (в равной мере со стороны татар и русских) отдаётся членам семьи (97%) и друзьям (92%). Соседям и коллегам доверяют меньше (61 и 62% соответственно), но этот вид доверия особенно важен для формирования «внеродственных» социальных связей и ассоциаций, на основе которых, в перспективе, возможно активное формирование гражданской активности. Отметим, что доверие соседям несколько выше у татар (65 против 57% у русских) в силу того, что среди татар выше доля сельчан, где соседские связи теснее, чем в городе (табл. 4).

Таблица 4

Уровень межличностного доверия среди татар и русских в Татарстане, % от опрошенных

Доверяют...	Татары	Русские	В целом в РТ
... соседям	65	57	61
... коллегам по работе	62	61	62
... друзьям	92	92	92
... членам своей семьи	97	97	97

*Сумма ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

Доли доверяющих соседям и коллегам в Татарстане (и других регионах) превышают рубеж в 50%, поэтому можно с уверенностью говорить о том, что в республике сложились предпосылки для формирования связей гражданского участия. Об этом же говорит и очень высокое доверие друзьям (свыше 90%), которое также является предпосылкой для широкой гражданской активности.

В ситуации этнического паритета, сложившегося в Татарстане (согласно данным опроса, 51,6% составляют татары и 43% русские), высокое доверие друзьям и соседям – в случае, если это люди одной националь-

ности – создаёт условия для формирования сетей этнической поддержки. При этом высокое внутриэтническое доверие создаёт риски распространения клановых внутриэтнических связей. Поэтому важно сопоставить уровень *внутриэтнического* и *межэтнического* доверия в республике.

Уровень *внутриэтнического* доверия в Татарстане сопоставим с доверием коллегам и соседям, он составляет 67% среди татар и 62% среди русских. Уровень *межэтнического* доверия достаточно высок, но он ниже, чем внутриэтническое доверие и составляет 48% (в 2018 г. 53%) – 51% среди татар и 45% среди русских (табл. 5).

Таблица 5

Внутриэтническое, межэтническое и межконфессиональное доверие в Татарстане
в 2018–2019 гг., % от опрошенных

Доверяют...	Татары		Русские		В целом в РТ	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019
... людям своей национальности	67	67	63	62	66	65
... людям других национальностей	52	51	54	45	53	48
... православным	57	55	60	61	58	58
... мусульманам	68	64	53	48	61	57

*Сумма ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

В сравнении с 2018 г., межэтническое доверие со стороны русских имеет тенденцию к снижению. Если в 2018 г. 54% русских доверяли людям других национальностей, то в 2019 г. – 45%. Эта тенденция может объясняться усилившимся миграционным притоком в республику категорий лиц, относящихся к т. н. «видимым меньшинствам», традиционно относящихся к «этническим мусульманам». Не последнюю роль играют острые дискуссии вокруг проблем преподавания в школах государственного языка республики.

Уровень *межрелигиозного* доверия в РТ также высок – он превышает 50%. Экспертами отмечается его устойчивый характер: «...риторика толерантности, сосуществование православия и ислама, разных религий, разных народов, риторика пусть конструированная и так далее – она тоже является частью идентичности. Но на самом деле не так часто можно встретить мирное сосуществование двух разных религий, неконфликтное. Оно на самом деле есть» (эксперт, активист общественного движения, 33 года, татарин).

Взаимное доверие мусульман и православных может рассматриваться как одна из основ межкультурной интеграции и в качестве стабилизирующего фактора межэтнических отношений. В целом в республике доверие мусульманам составляет 57% (в 2018 г. – 61%), доверие православным – 58% (как и в 2018 г.). Православным доверяют 55% татар и 61% русских (в 2018 г. 57 и 60% соответственно), мусульмане, как и следовало ожидать, пользуются большим доверием со стороны татар (64 против 48%).

И одним из важнейших путей формирования высокого уровня межрелигиозного доверия, несомненно, является вовлеченность татарстанцев в религиозные праздники, взаимное уважение исламской и христиан-

ской культурных традиций: *«Мне кажется человеку, который родился и вырос в Татарстане, он одинаково спокойно воспринимает все религиозные праздники. Надо убраться на Курбан-Байрам, вообще не вопрос, нужно сделать генеральную уборку к Пасхе, тоже, пожалуйста»* (работник сферы образования, 26 лет, русская).

В интервью звучит тема необходимости укрепления межрелигиозного и межэтнического доверия через организацию на локальном уровне различных досуговых мероприятий и общей деятельности, объединяющей православных и мусульман, в том числе мигрантов, являющихся этническими мусульманами (узбеки, киргизы, таджики). *«Кто должен взяться за то, чтобы в футбол поиграли разные общины? Кто должен взяться за то, чтобы показали национальную кухню? Вот на таком местном уровне это должно происходить не как общегородское мероприятие, как микрорайонное мероприятие. <...> Нужны мероприятия локальные, Казань уже огромный по территории город, здесь много локальных разных точек активностей. <...> Через такие локальные мероприятия, через актуализацию таких локальных мероприятий, через формирование соседского общества – сообщества, в котором первична не этническая идентичность, а соседская идентичность»* (эксперт, работник сферы культуры, 34 года, татарин).

Выводы

Этническая идентичность и солидарность для татар и русских в РТ устойчиво сохраняет свою значимость. Подавляющее большинство татарстанцев (88%, в равной степени в городской и сельской среде) в той или иной мере ощущают близость с людьми своей национальности. В 2019 г., как и в 2017–2018 гг., большинство татарстанцев (74%) придерживаются мнения, что «в наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности». Татары несколько чаще его разделяют – с ним согласны 77% татар и 70% русских.

Сохраняется тенденция, проявляющаяся на протяжении опросов 2015–2018 гг., согласно которой среди татар выше доля тех, кто убеждён в важности этнической солидарности (ответ «полностью согласен»). Среди татар в 2019 г. так думают 43%, среди русских – 36%. Высокие показатели этнической солидарности татарстанцев не мешают формированию их российской идентичности.

Обобщённое доверие изучалось как показатель общественного благополучия, межэтническое и межрелигиозное доверие – как свойство межэтнических отношений. Исследование показало, что культура доверия выступает как фактор, поддерживающий межэтническое согласие в республике. В настоящее время установки *обобщённого* доверия (согласие с мнением, что большинству людей можно доверять) и установки недоверия в Республике Татарстан находятся в относительно равновесном балансе.

Уровень *обобщённого* доверия (доверие «людям вообще») составляет 48% (в 2018 г. – 46%) и он такой же, как в других российских регионах. Его уровень одинаков среди татар и русских, в городской и сельской сре-

де. Взаимное доверие мусульман и православных также стабилизирует сферу межэтнических отношений: православным доверяют 55% татар и 61% русских (в 2018 г. 57 и 60% соответственно), мусульмане, как и следовало ожидать, пользуются большим доверием со стороны татар (64 против 48%).

Уровень *внутриэтнического* доверия в 2019 г. составляет 67% среди татар и 62% среди русских, но уровень *межэтнического* доверия ниже – 51% среди татар и 45% среди русских. В 2019 г. снизилось межэтническое доверие со стороны русских (в 2018 г. 54% русских доверяли людям других национальностей), возможно, на это повлияли острые дискуссии, развернувшиеся в информационном поле республики вокруг проблем обязательного изучения государственного языка в школах Татарстана.

Список литературы

Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. 288 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Козырева П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / [Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова и др.]; Отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: ИС РАН, 2016. 400 с.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014. 445 с.

Е. М. Арутюнова

Языковая ситуация в республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании

DOI: 10.19181/inab.2019.1.4

Арутюнова Екатерина Михайловна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: 981504@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 648683

Для цитирования: Арутюнова Е. М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 50–61. DOI: 10.19181/inab.2019.1.4

Аннотация. Статья представляет анализ языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) в контексте этноязыкового конфликта, активная фаза которого развернулась в 2017–2018 гг. Показаны исторический и демографический контексты современной ситуации: на неё влияли как подъём этнической идентичности саха начала 1990-х гг., так и изменения этнодемографического состава республики. На основании данных о высоких долях якутов, свободно владеющих языком саха, называющих его родным языком, желающих, чтобы дети и внуки говорили на нём, сделан вывод о высокой степени сохранности языка саха и его значительной символической ценности, что важно в условиях глобализирующегося пространства с точки зрения сохранения языкового многообразия России. Проанализированы установки на добровольность изучения языка саха всеми школьниками республики, выявлены отличия во мнениях саха и якутян других национальностей. Довольно высокая доля саха-якутов, выступающих за обязательность языка, может быть не только ситуативной реакцией на языковой кризис в образовании, на алармистский дискурс языковых активистов, но и показателем восприятия должного статуса собственного языка как государственного.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), языковая ситуация, языки в образовании, родные языки, государственные языки республик.

Введение

Этнические языки, их статусы и восприятие этих статусов – не только одна из самых дискутируемых тем в этнополитике, но и крайне сенситивная сфера в этнической идентичности и межэтнических взаимодействиях. Выраженная активность вокруг языковой темы в нашей стране продолжается уже несколько лет. Поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», принятые в 2018 г. и утвердившие добровольное изучение государственных языков республик, а также появившаяся возможность выбора русского языка для изучения как род-

ного, внешне формализовали и упорядочили языковую политику в образовании. Однако о разрешении ситуации говорить не приходится, поскольку сохраняются некоторые противоречия федерального и республиканских законодательств, а также в ближайшее время ожидается принятие новых Федеральных государственных образовательных стандартов. Конфликтная ситуация в связи с использованием языков в школьном образовании привела к развитию следующих процессов. Происходит выраженная солидаризация вокруг темы языков у этнических активистов в республиках, что ярче всего проявляется в Татарстане. Деятельность сторонников добровольного изучения государственных языков также продолжается – в республиках изучение родных языков обязательно, а статус и исполнение преподавания русского как родного вызывают много вопросов и нареканий. В социальных сетях регулярно встречаются жалобы на реальные практики принуждения к выбору неродного языка (как русского, так и нерусских), актуальной остаётся проблема возможности изучать как родные, помимо государственных, так и другие языки в той или иной республике [Арутюнова, 2019]. Языковые активисты в республиках всё чаще воспринимают действие новой редакции закона как русификацию и подавление этнических языков [Россия: языковая реформа..., 2019], хотя собственно языковая ситуация и языковая политика, в том числе в образовании, в республиках значительно различаются.

В статье мы рассмотрим кейс Саха (Якутии) – республики с особой специфической ситуацией и в отношении использования языка саха в повседневной жизни и в языковой политике в образовании. Результатом периода суверенизации начала 1990-х гг. в республике стал выраженный подъём этнической идентичности саха. Этот период часто называют «национальным возрождением», именно тогда язык саха получил статус государственного и поддержку на уровне республики. Но судьбу языка саха определяет не только это. Между переписями 1989 г. и 2002 г. происходил отток русского населения (а также украинцев, белорусов, татар) и доля саха-якутов в населении республики выросла с одной трети в 1989 г. до половины в 2010 г. Кроме того, значительная часть якутов – сельские жители, а сельская среда преимущественно мононациональна и сохранность языка саха в ней не вызывает сомнений. Однако экономическая нестабильность, безработица и низкий уровень жизни побуждают сельских жителей переезжать и преимущественно в столицу – Якутск, где проживает половина населения республики. В результате в структуре населения города доля саха-якутов возросла в 2,5 раза в сравнении с 1989 г. [Иванова, 2017: 20].

Как совокупный результат всех этих процессов можно рассматривать новые тенденции для языкового пространства Якутска, среди которых:

- расширение функционирования языка саха в языковом пространстве города. Как следствие – высокая степень сохранности его как родного языка;
- снижение тенденций ассимиляции среди якутов, возрастание свободного владения якутским языком среди носителей;
- некоторое снижение уровня владения русским языком среди саха-якутов с сохранением положительной языковой установки по отношению к нему;

- умеренное возрастание социальных функций якутского языка, умеренное сокращение использования русского языка, замещение монойзычия (русского или якутского) функциональным двуязычием [Иванова, 2017].

Учитывая эти тенденции, а также контекст возросшей значимости языковой темы в образовании, обратимся к «языковому портрету» республики в 2019 г., а также к проблемам языковой политики в образовании.

Ключевым источником стали результаты исследования, проведённого в апреле – мае 2019 г. и включившего массовый опрос по репрезентативной для республики выборке (n=1500), а также 30 экспертных интервью и четыре фокусированных групповых интервью в городах Якутск и Мирный. Исследование было направлено на комплексный анализ межэтнических отношений в республике, однако, учитывая актуальность языковой проблемы школьном образовании, к ней обращались практически все эксперты, а опросный лист включал в себя специальный блок вопросов. Исследование было проведено совместно Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)».

Языковая ситуация в республике

Язык остаётся самым важным показателем этничности – 84% саха-якутов и 63% русских в республике отвечают, что язык объединяет их с людьми своей национальности, и все остальные идентификаторы оказываются менее важными. Поддержку языка и сохранение культуры саха-якуты считают самым важным для самих себя как этнической группы (по 58%), причём это оценивается даже выше, чем экономическое, социальное развитие, а также укрепление самостоятельности республики.

В республике выражена дифференциация использования языков в домашней сфере, а также в какой-то мере в рабочей и образовательной сферах жизни в зависимости от национальности. Помимо прочего, это говорит о высокой степени сохранности и функциональности якутского языка, а также о высокой ценности его для саха-якутов. В домашнем общении три четверти саха-якутов (73%) используют преимущественно якутский язык, ещё 18% говорят на якутском и русском языках (табл. 1). Русский язык у русских – практически единственный язык домашнего общения (97%), у якутян других национальностей также преобладающим языком общения выступает русский (70%). В смешанных русско-якутских семьях язык домашнего общения в большинстве случаев также русский.

На работе почти половина саха-якутов (44%) использует преимущественно якутский язык, каждый третий (31%) – и якутский, и русский языки.

В школах более четверти (27%) детей респондентов-якутов обучаются на якутском языке, 18% – на русском языке и каждый третий (31%) на обоих языках. Русские якутяне, как правило, обучаются на русском языке, якутяне других национальностей в нашей выборке – пре-

имущественно также на русском языке. Однако этот показатель не может быть основанием для анализа образовательной статистики, поскольку респонденты оценивают ситуацию в собственных категориях использования языка, но не в категориях системы образования; под обучением на обоих языках вполне может подразумеваться и обучение в якутских классах / школах, где практически везде после 4-го класса учебный процесс по русскоязычным учебникам проходит на якутском языке.

Таблица 1

Языковое поведение, распределения в зависимости от национальности, % от опрошенных

	Саха-якуты	Русские	Другие
Язык домашнего общения			
«На каком языке вы преимущественно говорите дома?»			
Якутский	73	1	12
Русский	8	97	70
Оба языка	18	2	8
Другой язык	0	0	10
Затруднились ответить	1	0	0
Язык общения на работе			
«На каком языке вы преимущественно говорите на работе?»			
Если вы перестали работать, расскажите о языке вашей последней работы»			
Якутский	44	1	9
Русский	10	92	77
Оба языка	31	3	9
Другой язык	0	0	1
Не работал	5	3	3
Затруднились ответить	3	1	1
Язык обучения детей в школе			
«На каком языке обучаются (обучались) ваши дети в школе?»			
Якутский	27	0	3
Русский	18	70	63
Оба языка	31	4	4
Другой язык	0	0	1
Нет детей, еще не учатся	22	25	25
Затруднились ответить	2	1	1

Сельские, городские (плюс ПГТ) и столичные саха-якуты отчётливо различаются по мере использования якутского языка, что вполне ожидаемо и хорошо известно. У сельских саха-якутов гораздо чаще распространён якутский как язык домашнего общения (83%), как преимущественный язык рабочего общения (58%, ещё 30% сельских саха-якутов используют на работе оба языка) и язык школьного образования. Более одной трети

сельских детей саха-якутов (39% обучаются также в большей степени на якутском языке, ещё 35% – на обоих (напомним, что это в какой-то мере вопрос восприятия), и только 8% сельских детей саха-якутов, по нашим данным, учатся на русском языке. Сельская среда у саха-якутов практически полностью саха-язычная.

Но и в столице, и в других городах и ПГТ саха-якуты дома преимущественно говорят по-якутски (59–64%), хотя это и заметно меньше, чем в сёлах, 17% столичных саха-якутов говорят дома преимущественно по-русски, в городах и ПГТ – 13%; каждый пятый саха-якут (20–21%) использует дома оба языка.

В городах и столице якутский язык заметно меньше, но всё же очень активно используется в рабочей и образовательной средах. Саха-якуты в столице на работе чаще всего преимущественно говорят на русском (38%) и на обоих языках (35%), и каждый пятый (21%) говорит преимущественно на якутском языке. У саха-якутов в городах и ПГТ в сравнении со столичными якутами доля использующих на работе преимущественно якутский ощутимо выше – 36%, практически столько же (34%) на русском и ещё 25%, т. е. каждый четвёртый говорит на работе на обоих языках.

Подавляющая часть саха-якутов (95%) называет язык саха родным языком (см. рис. 1). Учитывая, что в нашей стране используется толкование родного языка как этнического гораздо чаще, чем как функционального, можно с уверенностью говорить о высокой символической ценности родного языка для саха-якутов, особенно если учесть, что о свободном владении им говорит несколько меньшее число саха-якутов – 85% (см. рис. 2). Несмотря на это 85% свободно владеющих языком саха – это, повторим, очень высокий уровень сохранности языка, что важно в условиях глобализирующегося пространства и языкового сдвига.

Рис. 1. Родной язык респондентов («Какой язык (языки) Вы считаете родными?». Возможно несколько вариантов ответа), не показаны затруднившиеся с ответом, % от опрошенных

Рис. 2. Степень владения якутским языком
(«В какой степени Вы владеете якутским языком?»),
не показаны затруднившиеся с ответом, % от опрошенных

Русский язык называют родным 18% саха-якутов, иначе говоря, у части саха-якутов родных языков два, и это вполне нормальное явление в современном мире. В основном такие люди живут в столице: 90% столичных саха-якутов называют родным языком якутский и 38% – русский, в городах и посёлках 96% саха-якутов называют родным якутский язык, 18% – русский, то есть реальное двуязычие не ослабляет восприятия ценности якутского языка.

Подавляющая часть саха-якутов по самооценке в той или иной степени владеет языком саха: 85% владеют свободно и ещё 11% хорошо, но не свободно. Плохо или совсем не владеющих саха языком среди саха-якутов практически нет – 2 и 1% соответственно. Возрастных отличий почти нет: свыше 80% саха-якутов в разных возрастах свободно говорят на якутском языке.

Саха-якуты в столице свободно владеют саха языком реже (73%), чем в сёлах и городах (88–89%), и такая доля во многом обеспечивается за счёт тех, кто в Якутск приехал, а не родился здесь. Так, из родившихся в Якутске саха-якутов (таковых 29%) свободно говорят на языке саха чуть менее половины – 46%, среди тех столичных жителей, кто приехал из городов и ПГТ, – 70–74%, а среди тех, кто приехал из сёл, 89% свободно владеют якутским языком. Совсем не говорят на саха 6% родившихся в столице саха-якутов.

Среди русских якутским языком владеют свободно или хорошо 9%, ещё 16% владеют плохо и 72% вообще не говорят (рис. 2). Русские, говорящие на языке саха, по данным проведённого исследования, в основном

живут в Якутске: 6% столичных русских ответили, что говорят по-якутски свободно и ещё 9% – хорошо, но не свободно, 23% определили своё знание языка саха как плохое. В промышленных районах русские отмечают знание языка саха значительно реже – по 2% свободно и хорошо, ещё 13% – плохо. Напомним, что сельских русских якутян в выборке недостаточно для статистического анализа, поэтому судить об их языковом поведении на основании данных этого опроса мы не можем, хотя известно, что есть отдельные категории сельского русского населения, владеющие якутским языком.

Среди саха-якутов очень высок запрос на знание якутского языка – 85% хотели бы, что бы их дети или внуки в первую очередь владели якутским языком. Такой запрос незначительно выше в городах и сёлах (по 87%), чем в Якутске (79%).

Запрос на владение русским языком у саха-якутов максимальный в городах и посёлках (84%) (это в значительной части промышленные города), и несколько меньший – в Якутске (70%) и сёлах (71%). Так происходит не потому, что русский язык не хотят знать. В столице есть русскоязычная среда, и зачастую люди полагают, что владение языком так или иначе будет обеспечено средой, что в большом городе, безусловно, происходит. В сёлах ситуация несколько другая, поскольку сельчане в основном якутоязычные и во многом однородные в этническом плане: русский язык при отсутствии стратегии переезда в город ожидаемо не воспринимается как самый необходимый.

У русских запрос на владение якутским языком фиксируется на уровне 15%, он несколько выше у русских старшего возраста (18% хотели бы, чтобы и дети / внуки владели якутским) и ниже у самого младшего поколения (11%). Среди якутян других национальностей этот запрос фиксируется у 29% опрошенных в этой категории.

Высок запрос на английский язык, но это более выражено у русских (69%), чем у саха-якутов (31%) (рис. 3).

Рис. 3. Запрос на владение языками
(«Какими языками Вам бы хотелось, чтобы владели Ваши дети (внуки) в первую очередь?». Не более двух вариантов ответа), не показаны затруднившиеся с ответом, % от опрошенных

Язык в сфере образования: исторический контекст и установки в настоящее время

Содержание и формы языковой политики в образовании в 1990-е гг. в значительной степени определялись «Концепцией обновления и развития национальных школ РС(Я)», в обиходе «Национальная концепция» (1991) (см., например, [Современные языковые..., 2003]). Её ключевые принципы – обучение на родном языке, использование элементов этнопедагогики, приобщение к традиционной культуре – оказали более чем существенное влияние на языковой ландшафт в республике. Концепция стала своего рода инструментом этнического конструирования, сформировавшим у части молодых якутов ориентацию на родной язык как ключевую этническую ценность, на элементы традиционной культуры и образа жизни, в целом вдохновившим рост этнической идентичности и иногда такие новые практики, как смена имён и / или фамилий на этнические. Обязательного изучения якутского языка для всех школьников на уровне всей республики (как в Татарстане или Башкортостане) фактически не было. Значительно развита модель с обучением на языке саха в отдельных школах или классах в общеобразовательных школах с последующим переходом на русский язык на определённой ступени (то есть с преподаванием на саха по учебникам на русском языке). В саха-язычных улусах эта модель преобладает. Кроме того, язык саха изучается как родной и как государственный (если школа принимает такое решение в силу собственной автономии) в случае обучения на русском языке. Существуют также школы с обучением на русском языке без изучения саха как государственного (преимущественно в районах промышленного освоения, где проживает большинство неякутского населения). Нам приходилось слышать от активистов из других республик, что «якутская модель» со значительным применением образования на языке саха обладает серьёзными преимуществами с точки зрения сохранности языка перед другими моделями, подразумевающими обязательное изучение этнического языка всеми школьниками.

Несмотря на такие выраженные успехи, турбулентность в языковой сфере в образовании в последние два года актуализирует этноохранительные позиции, и прежде всего в связи с положением языка.

По данным проведённого исследования, свыше половины саха-якутов (54%) считают, что якутский язык должен быть обязательным для изучения всеми школьниками, ещё 8% – если на него будет отводиться меньше времени. Здесь наблюдаются выраженные отличия в восприятии: русские и якутяне других национальностей в большинстве полагают, что якутский язык должен изучаться добровольно (60% среди русских и 53% среди людей других национальностей) (см. табл. 2). Обязательное изучение его поддержали бы не более 12–18% (или 16–22% суммарно по двум первым вариантам ответа). Понятно, что установление обязательного для всех школьников изучения государственных языков уже невозможно в силу изменения федерального законодательства, а в РС(Я) и до того действовала другая модель, когда отдельные школы могут самостоятельно устанавли-

вать изучение государственного языка в силу полагающейся им по закону автономии, но его обязательного изучения для всех нет. Однако при всей очевидной успешности модели национального образования в Якутии такие установки саха-якутов в отношении обязательности якутского языка для всех можно считать косвенными показателями восприятия необходимого, должного статуса собственного языка как государственного. Это восприятие в значительной мере будировано языковыми противоречиями в других республиках, которые стали фактором серьёзного подъёма в активистской среде не только в Татарстане. В Саха (Якутии), в силу влияния коммуникативного пространства мессенджеров и общего активизма саха-якутов, проблемами ФГОСов по родным языкам могут быть охвачены довольно большие массы людей (мы не можем это оценить, но предполагаем). Обывателям тонкости законодательства и различий в изучении государственных и родных языков не обязательно известны, но общий шлейф, что «национальные языки ущемляют» до них, безусловно, дошёл, отсюда возможно и более острое восприятие статуса якутского языка в республике.

«Я считаю, что саха-язык как государственный... Не обязательно, каждый будет изучать 4–5 часов в неделю. А 2 часа в неделю – было бы обязательно. ... Но, конечно, я не считаю, что это выход обязательный. Потому что мы видим детей, которые изучают государственный язык – у нас есть же такие классы, так они не владеют своим языком» (эксперт, активистка).

Таблица 2

Желаемый статус якутского языка в школьном образовании, 2019 г. % от опрошенных

«Какое мнение из перечисленных ниже вы поддерживаете?»	Саха-Якуты	Русские	Другие нац-ти	Всего
Якутский язык должен быть обязательным предметом для всех	54	12	18	36
Якутский язык должен быть обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас	8	4	4	6
Якутский язык должен идти в качестве факультатива для желающих	20	60	53	37
Якутский язык должен быть обязательным только для якутов	13	9	8	11
Якутского языка вообще не должно быть в школе	0	1	0	0
Другое	1	1	3	1
Затруднились ответить	5	14	14	9

Установка об обязательности изучения якутского языка для всех чаще поддерживается сельскими саха-якутами (61%) и реже – столичными жителями (39%). Соответственно наоборот, добровольное изучение саха-якуты в Якутске поддерживают на уровне 28%, в сёлах – на уровне 15%. Для сельских жителей такой высокий уровень поддержки обязательности, возможно, связан ещё и с проекцией на себя – язык необходимо учить, несмотря на то, что он функционально основной, и именно поэтому.

Как и во многих республиках, в РС(Я) реакцией на изменение в федеральном законодательстве об образовании стал рост внимания к проблемам образования на якутском языке и его изучения как предмета. Национальная концепция образования оценивается по-разному, но этническими активистами однозначно позитивно как способствовавшая развитию национальной школы, вовлечению родителей в процессы языкового строительства и в целом как неотъемлемая часть, инструмент и результат процессов роста этнического самосознания саха-якутов.

Несмотря на значительный охват образованием на языке саха в школах и классах, активисты смотрят на ситуацию пессимистично и алармистски, приводя следующие аргументы. Саха-якуты, переезжающие из села в города, часто (по оценкам активистов) предпочитают отдавать детей в школы с русским языком обучения, чтобы обеспечить им больше возможностей социального роста (*«Сейчас родители и так, и так на волоске держались – обучать детей на родном языке, или не обучать»*; *«Но все, которые сейчас приехали, они <...> первое поколение и их дети первого поколения, они хотят, чтобы их ребёнок говорил на русском языке»*). Активисты, как правило, ответственной за такой выбор людей полагают федеральную языковую политику в образовании (Всероссийские проверочные работы на русском языке, ЕГЭ проводятся на русском языке), иногда возлагают ответственность на учителей, а также на отсутствие учебников на якутском языке для средней и старшей школы в Федеральном перечне учебников.

Как и в других республиках, активисты очень остро воспринимают нововведение о возможности выбора русского языка как родного для изучения:

«Нужно было, наверное, как-то более детально разработать. Сейчас же [русский] родным языком могут выбрать и сахаязычные, и это к утере языка всё равно приведёт... Если бы только русские выбирали русский язык как родной – пожалуйста, no problem. Но тут именно вопрос стоит: русскоязычных саха же тоже много? Если они выбирают русский как родной – здесь я вижу проблему. <...> Я считаю, должно быть так. Родился и наследственно саха – он должен говорить на саха» (эксперт, активистка). Активистов вполне можно понять, однако мы отмечаем, что право выбора для людей оказывается первым, чем активисты считают возможным жертвовать. Во многом отсюда проистекает, как нам представляется, проблема восприятия языковых и этнокультурных «маргиналов».

Даже если родители хотят отдать детей в школу или класс с языком обучения саха, они сталкиваются с недостатком мест в школах. И это не проблемы отсутствия якутских классов в школах, они вполне открываются, если от родителей есть запрос – в соответствии с законодательством и локальными актами школ. Это общая проблема города, где классы переполнены и обучение ведётся в подавляющем большинстве школ в две смены. Другое дело, что даже такие инфраструктурные проблемы люди могут воспринимать как ущемление их собственных прав, а не системные проблемы, касающиеся всех жителей.

В целом, учитывая, что на уровне республики обязательного изучения государственного языка саха нет уже довольно давно, действия федерального центра осенью 2017 г. восприняли во многом с недоумением:

«Вот эта реформа – слон в посудной лавке. <...> У нас прокуратура в школу приходила. Все подписывали, бедные родители, учителя их просили, умоляли, что якутский язык они учат добровольно. После этого какая реакция будет-то? Слон в посудной лавке. Некорректно сделано, потом с помощью силовиков заставляют» (эксперт, учёный).

Эксперты высказывались о том, что несмотря на осложнение ситуации с изучением родных языков в школах в связи с изменениями в законе об образовании, сама ситуация имеет и позитивное влияние на отношение саха-якутов к своему языку:

«Я благодарен Путину за то, что он так сказал, и пошли процессы. Потому что у нас обратная реакция пошла, и очень много родителей наоборот задумались. И у нас пошла волна изучения своего родного языка. И на этой волне очень многие стали наоборот разговаривать дома на языке саха, читать на языке саха и т. д.» (эксперт, саха).

Этнические активисты часто ориентированы на проблемы сохранения языка, расширения образования на языке, особенно после языковых противоречий и поправок в закон об образовании. Однако если посмотреть шире на языковое поведение в локальных контекстах, вырисовываются и другие проблемы, помимо соблюдения языковых прав. Эксперты, непосредственно вовлечённые в сферу высшего образования, говорят о некотором снижении уровня владения русским языком. В сельском контексте это вполне объяснимо – среда фактически моноязычная.

«Я могу сказать Вам точно, как преподаватель. Мы же берём на горное отделение ребят с сёл, которые приехали. Языковой барьер. Они не понимают. Потому что там на русском говорят только на занятиях по русскому языку и то там половина на якутском. И у них восприятие очень сложное. Они начинают только к курсу третьему-четвёртому нормально понимать всё. У нас раньше было много мирнинцев [то есть русскоязычных] в этих группах, и когда они общаются, идёт прогресс. А когда в группах одни якуты из села, нет такого процесса» (эксперт, г. Мирный).

Однако для сельской молодёжи недостаточное владение русским языком в сочетании с недостаточными ресурсами может быть причиной ограничения социальной мобильности, а усиление ощущения неравенства, как правило, становится почвой для межэтнической напряжённости.

О необходимости достаточного владения русским языком и о связанных с этим проблемах говорят и представители добывающих компаний: *«Я замечая. К сожалению, люди даже с очень неплохими задатками, когда они не умеют общаться в коллективе, когда они не могут внятно выразить свои мысли, какое будущее их ждёт? Часто стесняются, акцент у них. <...> Я пытаюсь людям вложить, что, если вы собираетесь работать на производстве, в коллективе, а не быть индивидуальным частным предпринимателем, для вас это необходимо. Вы должны в себе развивать навыки. Когда вы придёте устраиваться на работу, вы должны рассказать о себе нормально, на русском языке. Если человек всю жизнь собирается работать в сельской школе, возможно, ему не нужен русский язык на таком уровне. Если он хочет работать на производстве, ему русский язык очень важен» (эксперт, представитель добывающей компании, саха).*

Итак, языковое пространство республики испытывает на себе влияние и исторических, и демографических, и ситуативных факторов. Сохранность языка саха и его ценность для саха-якутов соседствуют с опасениями языковых активистов, чьи дискурсы формируются, в том числе, как результат общей для этнических активистов в республиках повестки, актуализировавшейся в связи с этнолингвистическими противоречиями в образовании. Присутствующее в общественном мнении среди якутов представление о необходимости обязательного изучения языка саха всеми школьниками может свидетельствовать не только о ситуативном влиянии языкового кризиса в образовании, но и косвенно, через язык, затрагивать представления о собственном статусе в республике.

Список литературы

Арутюнова Е. М. Языковой конфликт в разных измерениях: кейсы Татарстана и Башкортостана // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 98–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6281>.

Иванова Н. И. Социоллингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / Отв. ред. П. А. Слепцов. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2017. 260 с.

Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): актуальные проблемы. Новосибирск: Наука, 2003. 224 с.

Овлянников И. Россия: языковая реформа породила обвинения в принудительной русификации. [Электронный ресурс] // Eurasianet: [веб-сайт]. 11 марта 2019. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-языковая-реформа-породила-обвинения-в-принудительной-русификации> (Дата обращения: 08.10.2019).

М. А. Евсеева

Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтническом пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия)

DOI: 10.19181/inab.2019.1.5

Евсеева Мария Андреевна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: m.a.evseeva@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 683541

Для цитирования: Евсеева М. А. Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтническом пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия) // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 62–73. DOI: 10.19181/inab.2019.1.5

Аннотация. В статье рассматривается проблема равенства / неравенства в доступе к социальным ресурсам. В центре внимания мнение саха-якутов и русских в Республике Саха (Якутия) относительно доступности для них лучшей работы, высоких постов в органах власти и возможностей открытия бизнеса. В статье обсуждается проблема взаимосвязи социально-статусных характеристик человека и его этничности, затрагиваются вопросы социальной удовлетворённости трудом и материальным положением граждан в республике. Работа выполнена в методологии сравнительной социологии. На основании сопоставимых исследований в Республике Саха (Якутия) в 2012, 2015, 2019 гг. оценивается степень распространённости представлений об этнической обусловленности шансов на социальное продвижение. Показано, что распространённость подобных представлений не всегда соответствует реальной практике. Сохраняющееся у части населения мнение о социальной эксклюзии русских или саха-якутов в республике не имеет тенденции к росту.

Ключевые слова: равенство возможностей, этничность, социальная эксклюзия, доступ к ресурсам, депривация.

Введение

Актуальность изучения проблемы равенства возможностей в доступе к социальным благам в полиэтнических средах в России обусловлена в первую очередь усилением социальной дифференциации, в той или другой степени связанной с этничностью людей. В идеале обеспечивать равенство возможностей для всех граждан независимо от места их проживания и национальности, устранять дисбаланс в экономическом и социальном развитии регионов – функция государства. Однако решение данной задачи осложняется исторически сложившимся разнообразием экономического потенциала субъектов РФ, их культурной сложностью и интенсивностью межкультурного

общения. Именно поэтому реализуя задачу по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений центральные и региональные власти концентрируют своё внимание на решении социальных проблем, обеспечении равенства возможностей независимо от национальности. Поскольку объектом изучения в исследовании были русские и саха-якуты в Саха (Якутии), приведём направления деятельности, обозначенные Главой Республики Саха (Якутия) Айсеном Николаевым. В Якутии существует огромный запрос на изменения в обществе, поэтому Глава Республики ориентировал жителей не на стабильность, а на стратегию роста региона в контексте политики консолидации общества [Айсен Николаев: В Якутии запрос..., 2018]. 2019 г. был объявлен «Годом консолидации»: *«Укрепление взаимного доверия в обществе, вовлечённость и личный вклад каждого якутянина в развитие родного села, города, республики и всей страны, осознание значимости своего участия в общественной жизни – такими я вижу главные цели Года консолидации»* [Послание Главы Якутии..., 2018].

Значимость этничности в социальной дифференциации актуальна не только в нашей стране, но и во всём мире¹.

Как известно, существенный вклад в разработку проблематики социального неравенства был внесён ещё П. А. Сорокиным. В основе его концепции социальной стратификации и социальной мобильности лежит неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличие или отсутствие социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества [Сорокин, 1992: 234]. В изучении социальной дифференциации мы опираемся также на работы Э. Гидденса, Дж. Голдторпа и др., а в России – Т. И. Заславской, Н. Е. Тихоновой, З. Т. Голенковой, М. Ф. Черныша и др. [Гидденс, 1999; Голдторп, Джексон, 2009; Заславская, 2004; Тихонова, 2007; Голенкова, 2001; Черныш, 2005].

Идея о «социальной эксклюзии», изначально описывающая депривацию граждан с ограниченными возможностями, обрела концептуализацию в работах К. Уолша и его соавторов [Walsh et al., 2017: 81–98]. В широком смысле социальную эксклюзию можно определить как «процесс, в результате которого индивиды или их группы становятся полностью или частично исключёнными из полного участия в делах общества, в котором они живут» [Hrast et al., 2013: 971–989].

При этом в концепции социальной эксклюзии выделяют два принципиально важных момента. Во-первых, социальная эксклюзия – это многомерное явление. Люди, например, могут чувствовать себя «исключёнными» из социума вследствие безработицы, размера заработка, отсутствия собственности, минимального потребления, недостатка уровня образования, качества жизни в государстве, наличия или отсутствия гражданства. Вследствие этого чаще всего они ощущают недостаточность близких контактов и уважения, то есть это явление является результатом многих социальных факторов одновременно [Сапонов, Смолькин, 2012: 83–94.; Musk et al., 2015: 67–78].

Во-вторых, изучая социальную эксклюзию, надо быть ориентированным как на анализ взаимоотношений индивидов и групп, так и процессов, которые привели к депривации. Индивиды могут быть исключёнными из разных типов групп одновременно [Bonfatti et al., 2015: 225–234].

¹ Данная проблема обсуждалась на XVIII Всемирном социологическом конгрессе в Йокогаме (2014 г.) и на Конгрессе Европейской социологической ассоциации в Праге (2015 г.) (См. [Васильева, 2015: 112–114]).

Факторами вовлечения в социальную эксклюзию называют бедность, субординацию в системе социальных идентичностей (раса, этничность, религия, гендер), социальные позиции (беженцы, мигранты), демографические характеристики (образование, профессиональная квалификация, возраст), а также состояние здоровья, наличие инвалидности или стигматизированных заболеваний, таких как ВИЧ и СПИД [Максимова и др., 2017: 579–586].

В западной социологической традиции сложились два подхода к оценке социальной исключённости (эксклюзии). Первый из них, трактующий социальную эксклюзию в широком смысле слова, рассматривает явление на макроуровне, с позиций общества и сосредоточивается на самом факте отсутствия доступа к механизмам интеграции. Ключевым словом при таком подходе выступает «дискриминация».

Второй подход рассматривает социальную эксклюзию в узком смысле слова, на микроуровне, анализирует положение самих носителей социальной эксклюзии и обращает внимание на то, в чём именно проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества. При всей важности для такого подхода понятия дискриминации на первый план в этом случае всё же выходит понятие «депривация» [Тихонова, 2002: 5–17].

Исследователи различают *ситуацию* и *состояние* социальной эксклюзии. Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства. Люди, оказавшиеся в этих обстоятельствах, не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. В ситуации социальной эксклюзии оказываются граждане, чьи права так или иначе ущемляются. Состояние же социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией [Бородкин, 2000: 5–17].

Реальные и, что важнее, мнимые различия в сферах занятости, скорости карьерного продвижения, в доступе к экономическим и культурным благам проецируются на этнические чувства и рожают противоречия.

На примере анализа данных этносоциологических исследований в Москве, Московской, Калининградской, Астраханской областях и Республике Саха (Якутия), проведённых Отделом этнической социологии Института социологии РАН в 2014–2015 гг., было установлено, что на распространённость подобных представлений влияют скорее социально-экономические факторы, уровень конкуренции на рынке труда, вектор социального самочувствия и интенсивность миграционных процессов, чем реальное этническое исключение в регионах [Евсеева, 2017: 56–63]. В данной статье мы рассмотрим динамику таких представлений и практику реального ущемления в республике Саха (Якутия). Это позволяют сделать проведённые в регионе исследования в 2019 г. по сопоставимой с 2012 и 2015 гг. программе¹.

Говоря о социальном исключении (эксклюзии), в данной работе мы анализируем это явление не с точки зрения дискриминации (как факта отсутствия доступа к социальным ресурсам), а с точки зрения деприва-

¹ Эмпирической базой анализа послужили данные опроса 2012 г., осуществлённого по проекту «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества», руководитель исследования Л. М. Дробижева, результаты опросов, проведённых Отделом этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с Информационным центром при Главе Республики Саха (Якутия) в 2015 и 2019 гг. Опросы проводились под руководством А. Д. Бравина, Л. М. Дробижевой, Э. Я. Яковлевой. Выборка исследования составила 1500 человек в каждой из волн. Экспертный опрос и групповые дискуссии в 2019 г. проводились Е. М. Арутюновой.

ции. При анализе представлений жителей Саха (Якутии) об этнической обусловленности социального продвижения ставится задача рассмотреть, испытывают ли люди основных контактирующих национальностей (саха-якутов и русских) ущемление своих возможностей из-за своей национальности и сталкивались ли они с этой ущемлённостью в реальности.

Рассмотрим так же, являются ли такие представления о неравенстве возможностей барьером для межэтнической консолидации или наоборот – решение вопросов социальной справедливости в контексте доступа к социальным ресурсам объединяет людей разных национальностей.

Индикаторами изучаемых явлений в исследованиях стали ответы на следующие вопросы:

1. «Как Вы считаете, влияет ли национальность человека в Вашей республике на его возможности...Устроиться на самую лучшую работу / Занять высокий пост в органах власти / Открыть своё дело». Вопрос был закрытым и включал возможность ответов «Да, влияет», «Нет, не влияет», «Не знаю», «Отказ».

2. «Вам лично приходилось за последний год сталкиваться с нарушением прав или ограничением возможностей из-за Вашей национальности?», что можно интерпретировать как ощущение дискриминации.

В Республике Саха (Якутия) большинство составляют саха-якуты (49%), русские – 37%. Кроме них живут коренные малочисленные народы (эвенки – 2%, эвены – 1,6%). Относительно новым явлением для этого региона стало увеличение числа прибывающих инокультурных мигрантов – армян, узбеков, киргизов, азербайджанцев, таджиков, китайцев. В результате произошло усложнение структуры протекающих там межнациональных процессов: к взаимной адаптации двух многочисленных и нескольких малочисленных местных этнических групп добавилась необходимость приспособливаться к прибывающим мигрантам.

Согласно данным официальной статистики, ещё в 2017 г. международная миграция в республике Саха (Якутия) была незначительно ниже по сравнению с 2016 г., но оставалась высокой по сравнению, например, с 2014 г. Тогда было зафиксировано 731 чел. прибывших, тогда как в 2017 г. эта цифра уже составила 1205 чел. [Территориальный орган..., 2019]. При этом в 2018 г. приток мигрантов из других стран увеличился уже практически вдвое и составил 3112 чел. [Территориальный орган..., 2019].

Выбор региона обусловлен тем, что за прошедший период с 2015 по 2019 г. в республике произошёл ряд значимых событий: смена Главы республики (Ил Дархана)¹ и межэтническая напряжённость в связи с этнической мобилизацией по поводу неправильного поведения мигранта из Киргизии по отношению к якутской женщине [Триумф правосудия?., 2019].

В предыдущих исследованиях 1999 г. и 2012 г. [Социальное неравенство..., 2002; Гражданская..., 2013] реальная практика ущемлений на почве этничности опрошенными якутянами фиксировалась редко. По данным 2015 г., с ситуацией ущемления своих прав и возможностей из-за этнической принадлежности реально сталкивались 11% русских и 15% саха-якутов (в целом 14% якутян), что, соответственно, на 6 и 4 п.п.

¹ Николаев Айсен Сергеевич – назначен врио Главы республики с 28 мая 2018 г. 9 сентября 2018 г. избран Главой Республики Саха (Якутия), набрав 71,40% голосов.

реже, чем в 2012 г., то есть русские не чаще, чем саха-якуты, сталкивались с ущемлением своих прав. В 2019 г. эта тенденция сохранилась (12% якутян считали, что их права ущемлялись на основе этничности). В целом эти данные практически не отличаются от общероссийских показателей¹.

Тем не менее довольно высока доля тех людей, которые считают, что в республике есть сферы деятельности, где фиксируется этническая дифференциация. За период с 2012 по 2015 г. имело место некоторое снижение доли респондентов, придерживающихся данного мнения. В 2019 г. просматривается та же тенденция, что и в 2015 г. (рис. 1). В 2019 г. доля якутян, которые видели различия в возможностях в разных социальных сферах, составляла от 17 до 36% (см. рис. 2).

Заметим, что представления о влиянии этничности на возможности социального продвижения в Саха (Якутии) были зафиксированы ещё в 1999 г. По мнению значительной доли проживавших на тот момент в республике русских, саха-якуты обладали преимуществом в политической и экономической сферах. Так, около 54% русских из числа горожан отмечали, что шанс получить хорошо оплачиваемую работу у представителей национальности, дающей название республике, выше, чем у них самих (среди саха-якутов такого мнения придерживались 24% респондентов) [Социальное неравенство..., 2002: 133–135]. В 2019 г. такие представления продолжают бытовать и среди русских и саха-якутов республики, но имеют тенденцию к снижению² (табл. 1).

Рис. 1. Динамика мнений о влиянии национальности человека на его возможности, 2012, 2015, 2019 гг., (распределение ответа «Да»), % от опрошенных

¹ По данным опросов ФАДН, 93% граждан подтверждают «отсутствие дискриминации по признакам национальности, языка, религии», т. е. не сталкивались с нарушением прав или ограничением возможностей из-за национальности при поступлении на работу, продвижении, обращении в госучреждения. По данным ВЦИОМ, с проявлениями неприязни, нарушением прав из-за национальности сталкивались 8% россиян, при этом среди нерусских – 13% (См. подробнее. [Хайкин, Бережкова, 2016]).

² Учитывая вероятность ошибки выборки 5%.

Рис. 2. Мнения респондентов о влиянии национальности человека на его возможности в трудовой сфере и участии во власти, 2019 г., % от опрошенных

Таблица 1

Динамика представлений об этнической обусловленности возможностей социального продвижения у саха-якутов и русских Республики Саха (Якутия), 2012–2019 гг., % от опрошенных

«...национальность человека влияет на его возможности...»	2012		2015		2019	
	Саха-Якуты	Русские	Саха-Якуты	Русские	Саха-Якуты	Русские
...устроиться на самую лучшую работу	40	46	32	39	33	41
...занять высокий пост в органах власти	36	45	32	39	31	43
...открыть своё дело	22	21	22	21	17	17

Как видно из данных табл. 1, и саха-якуты, и русские отмечают влияние этничности на социальное продвижение, и их оценки дифференцированы по видам деятельности. И теми и другими признаётся, что шансы русских получить доступ к власти ниже, чем у саха-якутов. Как отмечает один из экспертов, «Высокооплачиваемые работы, должности и т. д., как правило, заняты русскими. Якуты, как обычно, как водится, в бюджетной сфере. Вот всё-таки я это наблюдаю. Якутскэнерго как был преимущественно славянский, он там и есть преимущественно славянский. Управление, образование, культура и т. д., как было якутское, оно так и есть якутское. По-прежнему, значит, пытаемся следить за пропорциями, да, за представительством, но всё хуже и хуже» (эксперт, специалист).

При этом влияние этничности в сфере предпринимательства незначительно.

Таким образом, согласно полученным данным, очевидно, что существует несовпадение представлений жителей Якутии о социальном исключении при карьерном продвижении с реальной практикой респондентов. Но, как мы знаем, мифологемы могут оказывать большое влияние на поведение людей. При возникновении резонансных событий представления о присутствующем негативизме в сфере межэтнических (межнациональных) отношений могут перерасти в активные действия (митинги, протесты). Стоит всегда помнить, что если члены контактирующих групп по-разному определяют одну и ту же межгрупповую реальность, то это может стать причиной возникновения социальной напряжённости и конфликта [Дробижева, 2010: 123], что в полной мере согласуется с известной теоремой У. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Thomas, Znaniecki, 1918: 79]. Если в массовом сознании социальное неравенство связывается с этничностью, если люди верят, что этническая принадлежность сказывается на их социальном положении, продвижении, доступе к власти, собственности, образованию, они будут поступать согласно своим убеждениям и демонстрировать соответствующее отношение к носителям той или иной национальности как к представителям социально-конкурентной группы. Как установлено исследователями (К. Эллисон, Д. Пауэрс, Н. Шелтон, Т. Петтигрю, Л. Тропп и др.), реальный контакт с представителями иной этнической или расовой группы если и способствует ослаблению существующих предрассудков и гармонизации межэтнических (межрасовых) отношений, то в значительно большей степени у представителей доминирующего большинства, чем у представителей меньшинства [Варшавер, 2015: 199–200].

В связи с этим одна из задач местной власти и общества состоит в том, чтобы изучать и осмысливать состояние межэтнических (межнациональных) отношений в регионе и вовремя предупреждать и снижать возникающее напряжение. В полиэтнической среде насущная для россиян потребность в справедливом распределении материальных и нематериальных благ неизбежно воспринимается через призму этничности контактирующих групп. В Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. среди факторов, оказывающих негативное влияние на развитие межнациональных отношений в нашей стране, названы «социальное и имущественное неравенство населения, сложности в обеспечении равных возможностей для социального продвижения и доступа к важнейшим общественным благам, региональная экономическая дифференциация» [Стратегии государственной..., 2018]. Материалы исследования в Саха (Якутии) подтверждают этот вывод.

Рассмотрим связь межэтнических установок с представлениями о равенстве возможностей людей (табл. 2).

Из данных таблицы 2 видно, что среди людей предубеждённых, которые сами испытывают недоверие и неприязнь к людям иной национальности, половина респондентов полагает, что в республике национальность влияет и на трудоустройство, и на назначение на высокий пост в органах власти. Такая же доля респондентов (50%) убеждена в этом и среди тех, кто негативно оценивает межнациональные отношения в пунктах проживания. Часть тех, кто является носителями негативных межнациональ-

ных установок, могут проецировать их в сферы реального взаимодействия. Это сигнал к тому, чтобы уделить особое внимание межэтническим предубеждениям тех, кто является носителями этих негативных установок¹.

Таблица 2

Представления якутян о влиянии этничности в социальной жизни людей и ощущение неприязни к людям иных национальностей, РС(Я), 2019 г., % от опрошенных

«Влияет ли национальность человека в Вашей республике на его возможности ...»		«А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-либо национальностей?»	
		Да	Нет
...устроиться на самую лучшую работу	Да, влияет	54	34
	Нет, не влияет	34	54
...занять высокий пост в органах власти	Да, влияет	47	35
	Нет, не влияет	38	50

Ощущение неприязни к людям других национальностей среди живущих в Саха (Якутии) встречается также или даже чаще, чем в среднем по стране – 34% при 17% в РФ по данным ВЦИОМ ФАДН в 2016 г. и 33% в 2018 г. по данным Института социологии ФНИСЦ РАН.

На представления о равенстве / неравенстве возможностей в каждом субъекте Федерации влияет общая социально-экономическая ситуация. Большинство населения Саха (Якутии) в 2019 г. вполне и скорее удовлетворено своей работой (79,4%). При этом обратим внимание на мнения респондентов: различия между саха-якутами и русскими в оценке удовлетворённости работой не значимы – 78,6 и 81,2% соответственно и по сравнению с 2015 г. они на 4 и 11 п.п. выше (см. табл. 3). А в сравнении с 2012 г. эта тенденция ещё больше очевидна.

Таблица 3

Динамика оценки удовлетворённости работой у саха-якутов и русских Республики Саха (Якутия), 2012–2019 гг., % от опрошенных

«Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены сейчас своей работой?»	2012		2015		2019	
	Саха-Якуты	Русские	Саха-Якуты	Русские	Саха-Якуты	Русские
Вполне и скорее удовлетворены	60,4	49,3	74,9	70,1	78,6	81,2
Скорее не удовлетворены	12,3	12,9	13,3	19,2	13,4	9,0

Удовлетворённость населения региона материальным положением несколько ниже, чем работой, что объясняется непростой экономической ситуацией в стране. Тем не менее в 2019 г. своим материальным положением были вполне и скорее удовлетворены 59,3% якутян (58,6% саха-якутов и 60,6% русских). Поскольку формулировки соответствующих вопросов в анкетах для 2015 г. и 2019 г. различались, то детальное сравнение сделать затруднительно. Отметим, что в 2015 г. своё материальное положение «хорошим» и «удовлетворительным» считали 15 и 63%

¹ Эти выводы сделаны Щегольковой Е. Ю.

населения соответственно. Причём заметного влияния этничности на этот параметр выявлено не было (14 и 66% русских и 15 и 62% саха-якутов). В 2012 г. 45,9% русских и 50,3% саха-якутов были удовлетворены своим материальным положением (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика оценки удовлетворённости материальным положением у саха-якутов и русских Республики Саха (Якутия), 2012–2019 гг., % от опрошенных

«Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены сейчас своим материальным положением?»	2012		2019	
	Саха-Якуты	Русские	Саха-Якуты	Русские
Вполне и скорее удовлетворены	50,3	45,9	58,6	60,6
Скорее не удовлетворены	31,7	32,5	23,6	25,9

Безусловно, активный приток иноэтничных мигрантов в регион в каких-то сферах обостряет трудовую конкуренцию.

В 2019 г. отмечается важная особенность, которую мы не наблюдали в 2015 г. – для саха-якутов представители других национальностей, давно живущие на территории республики, становятся «своими». *«Они наши. Потому что, ну, те, кто давно живут, они также болеют за республику... Если это люди, которые давно здесь живут, здесь родились их дети, бабушки и дедушки, то есть это несколько поколений, то это уже наши, местные...»* (эксперт, специалист). А негативизм, который иногда проявлялся в высказываниях респондентов в интервью и на фокус-группах, был направлен в основном на прибывающих мигрантов. *«Дети ездят на такси. Я видела, что там водители в основном люди приезжие, да. Некоторые говорили, мол, ты не боишься, это же рискованно отправлять ребёнка в школу с приезжими и т. д.»* (эксперт, специалист).

О том, что фактор присутствия мигрантов является резонирующим, свидетельствуют, в том числе, и события марта 2019 г., когда после преступления, совершённого иноэтничным мигрантом, за короткое время было организовано многотысячное собрание (так официально называлась акция), где выступал Глава республики (Ил Дархан) Айсен Николаев. Как позже Глава республики отметил в интервью, во время митинга в своём выступлении он «ни о каком национализме не говорил, говорил об интересах якутян – русских, якутов, народов, которые давно здесь живут, о том, что вытирать о наши законы ноги мы не позволим» [Люди у нас терпимые..., 2019].

Выводы

Сравнивая данные исследования в 2019 г. с предыдущими, проведёнными в 2012 и 2015 гг. в Республике Саха (Якутия), видно, что присутствует тенденция к снижению оценки эксклюзии русских и саха-якутов. Но треть опрошенных считают, что в якутском обществе есть ограничение представителей той или иной национальности в доступе к власти или другим социальным ресурсам (лучшая работа, бизнес). Вместе с тем, эти представ-

ления не находят подкрепления в реальной повседневной практике этих же респондентов (реально сталкивались с ущемлениями 12%). И то, что большинство респондентов довольно позитивно оценивают своё материальное положение и удовлетворённость работой, может говорить о том, что они не ощущают себя ущемлёнными в доступе к социальным ресурсам. Отмечаемое экспертами условное разделение некоторых социальных сфер деятельности между представителями разных национальностей носит во многом исторически обусловленный характер и не является проявлением дискриминации со стороны общества, местной власти. Выявленная в исследованиях 1990-х гг. схема социального взаимодействия по типу «этнических ниш», когда саха-якуты и русские преимущественно представлены в той или иной сферах трудовой деятельности, в республике уступает место «смешанной», конкурирующей, как говорят в социологии, модели взаимодействия основных национальностей республики. И эта конкуренция усиливается прибывающими мигрантами. Но, несмотря на это, согласно полученным данным, мы можем отметить, что социальное самочувствие жителей республики имеет позитивную динамику за прошедшие годы.

Список литературы

Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 5–17.

Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 183–214. DOI: [10.14515/monitoring.2015.5.13](https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13).

Васильева Н. Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г. // INTER. 2015. № 10. С. 112–114.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.

Голдторп Дж., Джексон М. Межпоколенческая классовая мобильность в современной Великобритании: политические аспекты и результаты исследований // SPERO. 2009. № 10. С. 181–200.

Голенкова З. Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 90–103.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Дробижева Л. М. Проблемы неравенства в этнонациональном пространстве России // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13. С. 119–134.

Евсеева М. А. Представления россиян об этнической обусловленности социального продвижения // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 56–63.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 4. С. 579–586.

Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 83–94

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / [Л. М. Дробижева, В. В. Амелин и др.]; Автор проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

Тихонова Н. Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 5–17.

Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). С. 97–110. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.07).

Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005. 254 с.

Айсен Николаев: В Якутии запрос на изменения в обществе огромный. [Электронный ресурс] // Глава Республики Саха (Якутия): [веб-сайт]. 03 октября 2018 URL: <https://glava.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2947794> (дата обращения: 16.10.2019).

Люди у нас терпимые. До определённого момента. Почему в Якутии начались протесты против мигрантов [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». 2019. 01 апреля. № 56. С. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3930406> (дата обращения: 16.10.2019).

Послание Главы Якутии Айсена Николаева Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 17 декабря 2018 года. [Электронный ресурс] // Глава Республики Саха (Якутия): [веб-сайт]. URL: <https://glava.sakha.gov.ru/ezhegodnye-poslanija-glavy-rsja-s-2018-goda> (дата обращения: 16.10.2019).

Указ Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: [веб-сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 16.10.2019).

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Раздел «Миграция» – файл «Международная миграция». 27.05.2019г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (дата обращения: 16.10.2019).

Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия): [веб-сайт]. Демография. Миграция. 27.05.2019. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (дата обращения: 16.10.2019).

Триумф правосудия? Вынесен приговор уроженцам Киргизии, совершившим преступления в отношении якутянки. [Электронный ресурс] // Якутия.Инфо: [веб-сайт]. 11.09.2019. URL: <http://yakutia.info/article/190956> (дата обращения: 16.10.2019).

Bonfatti A., Celidoni M., Weber G., Bursch-Supan A. Coping with risks during the great recession // *Bursch-Supan A., Kneip T., Litwin H. et al. (eds). Ageing in Europe – supporting policies for an inclusive society.* Boston: De Gruyter, 2015. P. 225–234.

Hrast M. F., Mrak A. K., Rakar T. Social exclusion of elderly in Central and Eastern Europe // *Int. J. Soc. Econ.* 2013. № 40. P. 971–989.

Myck M., Najsztab M., Oczkowska M. Measuring social deprivation and social exclusion // *Bursch-Supan A., Kneip T., Litwin H. et al. (eds). Ageing in Europe – supporting policies for an inclusive society.* Boston: De Gruyter, 2015. P. 67–78.

Thomas W. L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. New York: Knopf, 1918. Vol. 1.

Walsh K., Scharf T., Keating N. Social exclusion of older persons: a scoping review and conceptual framework // *European Journal of Ageing.* 2017. Vol. 14. № 1. P. 81–98.

И. М. Кузнецов, Е. В. Фролова

Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан

DOI: 10.19181/inab.2019.1.6

Кузнецов Игорь Михайлович

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

E-mail: ingvar31@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 75911

Фролова Елена Валерьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: elenaieup@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 621703

Для цитирования: Кузнецов И. М., Фролова Е. В. Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан // ИНАБ. 2019. № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 74–87. DOI: 10.19181/inab.2019.1.6

Аннотация. В статье рассматривается готовность жителей Республики Татарстан к адаптации и интеграции в локальной среде внешних и внутренних мигрантов. Эмпирической базой исследования являются опросы населения Республики Татарстан в 2015–2019 гг. по программе «Межэтнические отношения в Республике Татарстан». В статье анализируется интеграция мигрантов как процесс взаимного приспособления мигрантов и членов принимающего сообщества. В центре внимания – диспозиция принимающего русского и татарского населения в республике, мигрантов из северокавказских республик России и государств ближнего зарубежья. На основе анализа результатов опросов показано, что представители принимающего общества тесно связывают большой приток мигрантов с риском осложнения межнациональных отношений в республике. Социально-культурную дистанцию между принимающим и мигрантскими сообществами осложняет высокая консолидированность как татар, так и русских, опасения местного населения нарушить важную для татарстанцев исторически сложившуюся социально-культурную систему, слабый уровень межличностных контактов и кругов общения между татарстанцами и мигрантами и, главным образом, неготовность мигрантов принять сложившиеся в местной среде стандарты поведения в публичной сфере.

Ключевые слова: интеграция, адаптация, мигранты, принимающее население, интеграционное взаимодействие.

Проблема формирования социальной и культурной адаптации мигрантов в Российской Федерации и их интеграции в российское общество является одним из важных направлений в исследовании миграционных процессов. По сути своей, это – проблема выстраивания взаимоотношений мигрантов и принимающего населения, которая рано или поздно возникает в любой интенсивно развивающейся стране мира.

Однако среди исследователей существуют разногласия относительно содержания как самого понятия «интеграция», так и критериев оценки интегрированности мигрантов. Существует два подхода к этому вопросу, которые условно можно назвать институциональным и содержательным. Институциональный подход досконально разработан применительно к определению степени интеграции внешних мигрантов в странах Европейского Союза. Часто в качестве примера этого подхода приводится «Индекс миграционной политики» [Мукомель, 2016: 419]. В этом индексе оцениваются следующие характеристики *принимающего государства* (но не обязательно сообщества граждан этого государства и, тем более, не самих мигрантов): 1) имеют ли иммигранты равные права и возможности для получения работы и повышения квалификации; 2) отвечает ли система образования потребностям детей иммигрантов; 3) имеют ли иммигранты сравнимые права и возможности участвовать в политической жизни; 4) насколько легко иммигранты могут получить гражданство; 5) сколько иммигрантов потенциально живут в транснациональных парах; 6) отвечает ли система здравоохранения потребностям иммигрантов; 7) насколько легко иммигранты могут стать постоянными жителями (т. е. имеют материальные возможности жить в стране достаточно долго); 8) все ли эффективно защищены от расовой, этнической, религиозной и национальной дискриминации во всех сферах жизни [Migrant Integration..., 2015]. По мысли разработчиков, постепенная реализация этих позиций принимающим государством должна привести к полной интеграции иммигрантов.

На наш взгляд, даже безупречное функционирование указанных институтов интеграции отнюдь не обеспечивает лояльности иммигрантов принимающему обществу, следования базовым правилам и нормам жизни этого общества, т. е. не обязательно приводит к содержательной интеграции в общество. Резонансные преступления мигрантов (и бывших мигрантов) в принимающем обществе в странах, входящих в первую десятку рейтинга интегрированности (в частности, таких, как Швеция, Бельгия и Германия), лишь подтверждают нашу оценку. Ещё один недостаток рассматриваемого индекса применительно к российскому социально-культурному контексту состоит в том, что он ориентирован на оценку интегрированности внешних мигрантов, но никак не может быть применён для измерения локальной интегрированности внутренних инокультурных мигрантов, в частности в России, поскольку по своему статусу граждан РФ, такие мигранты (но не *иммигранты*) уже обладают полным доступом во все указанные сферы принимающих локальных сообществ.

Содержательный подход в настоящее время базируется на доработанной концепции Дж. Берри [Berry, 1997]. Согласно этой концепции, интеграция – это стремление стать неотъемлемой частью большого общества при сохранении собственной культурной идентичности. Позже эта концепция была дополнена типологией определённых изменений, которые происходят в принимающем обществе в процессе взаимной адаптации представителей локального принимающего населения и мигрантов. Эта последняя типология по своей логике зеркально повторяет типы, сформированные Дж. Берри для мигрантского сообщества. Это либо *мультикультурализм* (аналог типа *интеграция* в типологии адаптации для иммигрантов), т. е. полное признание равноправия мигрантской и принимающей культур,

или, как минимум, включение её в своё культурное пространство как «своей» субкультуры; *сегрегация* – «молчаливое» обособление инокультурных мигрантов; «*плавильный котёл*» – принудительная ассимиляция инокультурных мигрантов; *исключение* – принудительное вытеснение иммигрантов на маргинальные позиции [Berry, 2003]. В итоге Берри сконструировал системную модель интеграции мигрантов, которая понимается как процесс взаимной адаптации мигрантов и членов принимающего общества. Это даёт возможность рассматривать диспозиции мигрантов в отношении принимающего общества и, наоборот, диспозиции представителей принимающего общества в отношении мигрантов не изолированно, а в рамках единого взаимонаправленного процесса интеграции. Такой подход даёт возможность рассматривать те или иные характеристики мигрантов и принимающего сообщества с точки зрения того, насколько они мешают или, наоборот, способствуют нормальному процессу интеграционного взаимодействия, т. е. определить интеграционный потенциал как принимающей стороны, так и мигрантов в контексте общих задач интеграции.

В настоящей статье мы попытаемся оценить нынешний интеграционный потенциал жителей Республики Татарстан, опираясь на данные об отношении к мигрантам, полученные в ходе опросов, проведенных в республике в 2015–2019 гг.¹

Во-первых, обратим внимание на то, что жители Татарстана тесно увязывают проблемы большого притока инокультурных мигрантов и осложнения межнациональных отношений. Среди проблем, осложняющих межнациональные отношения, проблема «большого количества инокультурных мигрантов» устойчиво входит в тройку наиболее важных уже на протяжении ряда лет (табл. 1).

Таблица 1

Оценка жителями Татарстана проблем в сфере межнациональных отношений, 2015–2019 гг., %

Проблемы в сфере межнациональных отношений	2015	2016	2017	2018	2019
Большое количество инокультурных мигрантов	20	20	19	14	18
Проблема обучения родному языку	15	16	14	21	19
Проблема использования родного языка	12	14	12	14	12
Искажение межнациональных отношений в СМИ	10	12	9	10	11
Недостаточная поддержка культуры моего народа	8	9	7	8	7
Нет никаких проблем в межнациональной сфере	20	17	23	19	20
Затруднились ответить	15	12	16	14	13

Как следует из данных, представленных в таблице 1, проблема большого количества инокультурных мигрантов была одной из первых среди проблем, осложняющих межнациональные отношения в Республике

¹ Опросы проводились по программе «Межэтнические отношения в Республике Татарстан» в 2015–2017 гг. Объём репрезентативной выборки в каждой волне – 2000 респондентов, из них 1500 – горожане, 500 – жители села. Исполнитель проекта – РОО «Центр по изучению дискриминаций, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан».

Татарстан вплоть до 2018 г., когда на первое место вышла проблема обучения родному языку. По данным за 2019 г. можно утверждать, что указанные две проблемы («большой приток мигрантов» и «проблема обучения родному языку») делят 1-е место в списке проблем, которые по мнению жителей Татарстана, могут негативно сказаться на межнациональных отношениях в республике. Причём, если по поводу важности проблемы обучения родному языку оценки русских и татар значительно различаются (эту проблему отметили 38% татар и 13% русских), то по поводу проблемы большого притока мигрантов таких различий не наблюдается (её отметили по 25% и татар, и русских).

Таким образом, русские и татары в республике имплицитно выделяют мигрантов как не включённых пока в её культурный контекст.

Тем не менее в оценке этой проблемы между разными социальными группами населения наблюдаются достоверные различия. Поскольку мигранты преимущественно концентрируются в городах, то вполне ожидаемо, что городское население республики отмечает эту проблему чаще, чем жители сёл (27% горожан и 18% жителей села).

Наблюдаются различия и у групп респондентов с разным уровнем образования (рис. 1).

Рис. 1. Частота выбора проблемы «Большое количество инокультурных мигрантов» респондентами разного уровня образования, 2019 г., %

Респонденты со средним специальным и высшим образованием отмечают эту проблему чаще, чем люди с общим средним образованием, что означает, что в отношении мигрантов люди с разным уровнем образования выстраивают разную социально-культурную дистанцию, что отражает их опыт взаимодействия с мигрантами.

Тот факт, что люди с разным уровнем образования по-разному оценивают важность влияния притока большого количества инокультурных мигрантов на межнациональную ситуацию в республике, позволяет предположить, что оценка важности этой проблемы отражает разные межнациональные диспозиции самих оценивающих. Иначе говоря, отражает разное видение проблем межнационального взаимодействия в целом.

Оценка миграционной проблемы существенно различается у респондентов с разным представлением о важности переживания принадлежности к той или иной этнической группе. Респонденты, считающие,

что «в наше время человеку необязательно чувствовать себя частью своей национальности» с меньшей частотой отмечают проблему притока большого количества инокультурных мигрантов (19%) по сравнению с теми, кто с таким утверждением не согласен (27%).

Это означает, что у респондентов, отрицающих важность национальных категоризаций, социально-культурная дистанция в отношении сообщества мигрантов значимо меньше, чем для тех, кто отчётливо ассоциирует себя со своим народом. И это касается как русских, так и татар. Так, например, респонденты, в значительной степени ассоциирующие себя с людьми своей национальности, чаще считают приток мигрантов проблемой (28%), чем те, кто не ощущает такой близости (18%).

Специфика тех, кто считает приток инокультурных мигрантов проблемой, осложняющей межнациональные отношения в РТ, проявляется и в том, что эти люди негативно оценивают последствия того, что в Татарстане живут люди многих национальностей. Те, кто считает, что это приносит больше вреда для республики, чаще считают приток инокультурных мигрантов проблемой (41%), чем те, кто считает, что многонациональность республики приносит больше пользы (только 20% из них считают приток мигрантов проблемой).

В Татарстане респонденты, в высокой степени ассоциирующие себя с людьми своей веры, чаще отмечают проблему притока инокультурных мигрантов (30%), чем те, кто не ассоциирует себя с людьми своей веры (20% из них считают приток мигрантов проблемой). Это характерно не только для русских, ассоциирующих себя с православием, но и для татар, ассоциирующих себя с исламом.

Таким образом, ещё одним из факторов, влияющим на социально-культурную дистанцию в отношении мигрантов, является мера включённости в сообщество верующих. Этот факт тем более важен, поскольку подавляющая масса мигрантов исповедуют ислам (хотя и иных школ, нежели основная масса мусульман принимающего сообщества). Гипотеза о том, что родство вероисповедания может способствовать включению мигрантов в принимающее сообщество как «своих», данными настоящего исследования в полной мере не подтверждается.

Существует достоверная связь отношения к проблеме миграционного притока и общего уровня доверия к людям в целом. Респонденты, считающие, что людям в целом можно доверять, с меньшей частотой отмечают миграционный приток в качестве проблемы (19%), в отличие от считающих, что людям в целом доверять нельзя (33% из них считают миграционный приток проблемой). В частотности, это тенденция проявляется на уровне доверия к людям других национальностей. Среди доверяющих людям других национальностей 20% отмечают миграционный приток в качестве проблемы, а среди не доверяющих людям других национальностей эта доля составляет 35%. Можно сказать, что мера доверия, существующая в том или ином социальном слое, также отражается на выстраиваемой социально-культурной дистанции в отношении мигрантов.

Вполне предсказуема связь восприятия миграционного потока как проблемы с уровнем национального негативизма, или, другими словами, негативного отношения респондентов к людям иных национальностей.

Среди тех, кто с недоверием или неприязнью относится к людям иных национальностей, 55% считают приток инокультурных мигрантов проблемой, в то время как среди тех, кто такой неприязни не испытывает, эта доля составляет 20%. Эта же тенденция обнаруживается и при анализе связи оценки проблемности миграционного потока и уровня допустимости насилия при решении межнациональных проблем. Респонденты, допускающие возможность насилия, если нарушается справедливость в отношении их народа, чаще признают проблемность присутствия большого количества инокультурных мигрантов (34%), в отличие от не допускающих возможности насилия (22%).

Наконец, мы считаем крайне важным отметить связь проблемы оценки миграционного притока с тем, в какой ситуации респонденты чаще всего контактируют с мигрантами (внешними – из Средней Азии и внутренними – из республик Северного Кавказа). Как оказалось, респонденты, преимущественно контактирующие с мигрантами в безличных социальных ситуациях (рынок, места общественного досуга), считают присутствие большого количества мигрантов проблемой, а респонденты, контактирующие с мигрантами в дружеских личностных ситуациях, наоборот, в меньшей степени склонны проблематизировать текущую миграционную ситуацию. Это можно проиллюстрировать на примере контактов с мигрантами из республик Средней Азии (табл. 2).

Приведённые данные приводят к выводу о том, что снижение мигрантофобных настроений в локальных принимающих средах можно обеспечить за счёт организации в общественном пространстве площадок межличностного взаимодействия мигрантов и представителей принимающего общества. И это ещё один из факторов снижения социокультурной дистанции в отношении мигрантов.

Таблица 2

Проблематизация миграционной ситуации респондентами, имеющими разный опыт контактов с мигрантами, 2019 г., %

Контекст взаимодействия с мигрантами	Считают проблемой большое количество инокультурных мигрантов	
	Да	Нет
Чаще всего контактируют с представителями народов Средней Азии на рынке	26	19
Чаще всего контактируют с представителями народов Средней Азии у друзей	17	26

В целом анализ причин беспокойства жителей Республики Татарстан по поводу большого притока в республику инокультурных мигрантов выявляет два аспекта причин беспокойства. Во-первых, это беспокойство по поводу того, что *присутствие мигрантов обостряет межнациональную ситуацию* в республике просто потому, что это люди иной, непривычной национальности и культуры. Можно сказать, что здесь проблема состоит не столько в мигрантах, сколько в тех представителях принимающего населения, которые являются носителями негативных межнациональных установок. Однако доля таких людей в РТ крайне

невелика. Если ориентироваться на распределение ответов на вопрос: «Некоторые люди с недоверием или неприязнью относятся к представителям других национальностей. А Вы лично испытываете такие чувства к представителям других национальностей?», то эта доля составляет 9% респондентов репрезентативной республиканской выборки. В принципе, доля представителей принимающего сообщества являющихся носителями негативных межнациональных установок – это внутренний, касающийся только принимающего общества фактор, препятствующий нормальному процессу интеграции, т. е. взаимной адаптации принимающего сообщества и мигрантов друг к другу.

Второй аспект проблемы беспокойства по поводу мигрантов касается той большей части населения Республики Татарстан, которая устойчиво ассоциирует себя с людьми своей национальности, для которой важно чувствовать себя частью своего этнического сообщества и которой, соответственно, небезразлична сохранность сложившейся историко-культурной среды повседневной жизни. Это подавляющее большинство жителей Республики Татарстан не столько против мигрантов как таковых, сколько считают неприемлемым их поведение, не отвечающее сложившимся в республике стандартам, т. е. их неинтегрированность.

Если считать, что интеграция мигрантов в принимающее сообщество – процесс *взаимонаправленный*, то здесь, на наш взгляд, проявляется некоторый сбой взаимности. Довольно часто изложенную выше позицию принимающего общества исследователи характеризуют как «ксенофобность» (т. е. иррациональное нежелание принимать «чужаков»), хотя на самом деле речь идёт об ожидании принимающим обществом «шага навстречу» со стороны мигрантов. Причём ожиданию весьма существенном, определяющем в глазах принимающего сообщества целостность и стабильность социально-культурной (и религиозной) системы принимающего общества, сохранении его исторической и социально-культурной идентичности.

Этот аспект проблемы хорошо иллюстрируется и детализируется в текстах интервью с активистами и экспертами.

«Они вообще не интегрируются, они живут параллельно. Интегрируются единицы, которые либо приехали очень давно, или выросли уже здесь, или одна семья приехала, и всё... Необходимо, учить их не только русскому языку, но и каким-то основам взаимоотношений с местным населением, показать, какие здесь есть культурные традиции и обычаи, потому что подавляющее большинство людей всё-таки адекватные, и когда им говорят, они делают. Даже мы, приезжая в какую-то азиатскую страну, зная, как болезненно они воспринимают какие-то ритуалы, то мы тоже уважительно относимся... Они не стараются вступить в контакт с местным населением, и местному населению кажется, что какая-то потенциальная опасность. Если вот допустим, даже при попытках местного населения поучаствовать в диалоге, не каждый ответит и увяжется в диалог, он скорее всего промолчит» (женщина, 26 лет, русская, с. Габишево, Лаишевский район).

«Со стороны мигрантов есть такие люди, которые не готовы принимать культуру того места, куда они приезжают, не учитывая, что какие-то их интересы могут создавать дискомфорт для других людей.

Таких людей, которые это делают, их не большинство, это отдельные представители, но их выходки приобретают широкий общественный резонанс, и поэтому начинают всех обвинять в этом и говорить. В Казани, наверное, такая проблема существует, как и по России» (мужчина, 25 лет, татарин, Казань).

«С детства у нас есть прививка, чтобы нормально воспринимать до того момента, пока представитель другой культуры не местной, не начинает здесь пытаться что-то там менять под себя. Вот это уже начинает болезненно восприниматься... Низкий культурный уровень <...> приводит к поведению такому, что это не мой кишлак, мне здесь ответственность нести не перед кем. Поэтому и мусорят, и плюют, это есть. Потом это люди обычные работяги. Их уровень поведения, их словарный запас и лексикон, который они используют, явно свидетельствует об их образовательном уровне. Мы здесь видим мигрантов <...> низкого интеллектуального культурного уровня с точки зрения тех стандартов, к которым мы привыкли, поэтому это бросается в глаза. Это формирует определённое восприятие» (мужчина, 44 года, русский, Казань).

«Мне кажется, ярко выраженных нет, но некоторые скорее всего недовольны поведением приезжих из Ближнего Зарубежья, потому что это всё-таки люди другой культуры и, приезжая сюда, они не понимают наш культурный код и ведут себя как они вели себя в своей стране. Иногда они не пытаются адаптироваться, не изучают язык, не входят в контакт» (мужчина, 19 лет, русский, г. Азнакаево).

«Социальная напряжённость связана с увеличением миграционного потока в наш регион. Для приезжих представителей Средней Азии или Кавказа наш регион очень комфортен, потому что в Татарстане есть мусульмане, и у нас здесь много мечетей. Мигранты тоже привозят свои традиции, свою культуру и часто они не хотят интегрироваться в местную среду, поэтому существуют противоречия между местным и приезжающими населением. Также принимающее население опасается проникновения радикального ислама в республику» (женщина, 29 лет, русская, Казань).

«Меня, конечно, этот вопрос сильно волнует, потому что, во-первых, я не хочу, чтобы у нас образовывались как таковые кварталы по национальному признаку, так сказать, гетто. Чтобы не образовывались районы, где не действуют законы России, а своё какое-то законодательство. До криминального вплоть. Я хотел бы, чтобы они ассимилировались с минимальным ущербом для нашей культуры. То есть, они, конечно, должны привносить своё. Но так, чтобы это минимально отражалось на межнациональной напряжённости. Не возникало новых конфликтов» (мужчина, 22 года, русский, Казань).

В инструментарии 2015–2018 гг. был вопрос «Что, на Ваш взгляд, может в наибольшей степени вызывать противоречия между представителями различных национальностей в населённом пункте, где Вы живёте?». Этот вопрос позволял количественно подтвердить реальную распространённость представленных в текстах интервью формулировок проблем с мигрантами. Так, по данным 2018 г., первое место в списке причин, осложняющих межнациональное взаимодействие в РТ, занимает вариант

ответа: «Вызывающее поведение представителей некоторых национальностей, игнорирование ими норм поведения и обычаев других национальностей» (20%). Причём выявленная иерархия причин осложнения межнациональных отношений в республике сохраняется на протяжении всего периода проведения аналогичных опросов в РТ (2015–2018 гг.). При этом не наблюдается каких-либо значимых различий в ответах татар и русских (32% опрошенных татар выбрали этот пункт в 2018 г. и 36% русских).

Наиболее важной причиной неинтегрированности мигрантов является их слабое присутствие в тех сферах повседневного взаимодействия, в которых предполагается в той или иной степени межличностный контакт (например, в сфере досуга и дружеских взаимоотношений) (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«В каких жизненных ситуациях вы чаще всего сталкиваетесь с представителями следующих национальностей?», 2019 г., %

В целом, отношение к мигрантам характеризуется данными, представленными в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:

«Как Вы относитесь к присутствию мигрантов в вашем населённом пункте (районе)?», 2019 г., %

Варианты ответа	2019	2018	2017	2016	2015
1. Категорически против их присутствия	7	8	7	9	8
2. Согласен, если их будет меньше	22	19	18	19	22
3. Согласен, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть русским (татарским) языком	41	42	38	44	44
4. Положительно отношусь к присутствию мигрантов	9	7	8	8	7
5. Мне всё равно	15	17	21	14	15
6. Затруднились ответить	6	7	8	6	4

Как можно судить по представленным в таблице 3 данным, полное неприятие мигрантов, так же, как и положительное отношение к их присутствию в РТ невелико и, кстати, соответствует доле тех, кто испытывает неприязненное отношение к людям иной национальности в целом. Доля осторожно относящихся к мигрантам, по данным 2019 г., составляет всего 22%. Причём, сопоставление данных аналогичных опросов за последние пять лет показывает, что настороженное отношение к мигрантам в течение этого периода остаётся практически неизменным. Для того чтобы представить место, какое занимает РТ в общеевропейском рейтинге отношения к мигрантам, сравним доступные данные аналогичных исследований за ближайшие годы.

Общую картину отношения к мигрантам в Европе дают самые последние (*обработанные и опубликованные в 2018 г.*) данные опросов Европейского социального исследования (ESS) за 2016 г. [European Social Survey., 2016]. В этом исследовании задаётся вопрос о том, допустимо ли присутствие приезжих иной расы или национальности на территории данной страны. Один из вариантов ответа: «Совершенно недопустимо». Доля выбравших этот ответ усреднённая для 23 европейских стран и составляет 15%. В России это доля равна 25%, что приближается к доле (и даже ниже) таких стран, как Италия, Чехия, Эстония, Венгрия, Израиль. Доля респондентов, категорически не приемлющих мигрантов в РТ, по данным нашего исследования (7% за 2019 г.), приближается к доле, характерной по данным ESS для Великобритании, Испании, Португалии.

Перечисленные в рассматриваемом вопросе варианты ответа после некоторого переформатирования дают возможность выстроить общий индекс отношения к мигрантам от категорически негативного отрицания присутствия мигрантов (вариант 1 в табл. 3) через безразличное (нейтральное) отношение к этому вопросу (вариант 5 в табл. 3) до одобрения присутствия мигрантов (вариант 4 в табл. 3). Мы выстроили пятибалльную шкалу этого индекса с баллом 1 – крайне негативное отношение к мигрантам до балла 5 – максимально позитивное отношение к мигрантам.

Содержательно эта шкала выглядит следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Шкала индекса отношения к мигрантам

Варианты отношения к мигрантам	Баллы
Безусловное неприятие (<i>Категорически против их присутствия</i>)	1
Условное неприятие (<i>Согласен, если их будет меньше</i>)	2
Безразличие (<i>Мне всё равно</i>)	3
Условное принятие (<i>Согласен, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть русским (татарским) языком</i>)	4
Безусловное принятие (<i>Положительно отношусь к присутствию мигрантов</i>)	5

По нашим расчётам средний балл по данным 2019 г. составляет 3,3 балла, а модальный (то есть самый распространённый) – 4 балла. Содержательно это означает, что усреднённая оценка отношения к мигрантам приближается к суждению «Мне всё равно», а частотно самая популярная – «Согласен, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть русским (татарским) языком».

Сравнительная динамика изменения индекса отношения к мигрантам по годам опроса показана на рис. 3.

Рис. 3. Динамика изменения отношения к мигрантам за 2015–2019 гг.

По данным, представленным на рис. 3, можно заключить, что в среднем отношение к мигрантам на протяжении пяти лет оставалось практически неизменным на уровне, близком к безразличному, а в 2017 г. даже приближалось к уровню условного принятия мигрантов. При этом большинство ответивших (модальные баллы) выступали за условное принятие мигрантов, что вполне соответствует данным, представ-

ленным в таблице 3. Вариант «Согласен, если они будут вести себя в соответствии с традициями местного населения и владеть русским / татарским языком», как видно из данных таблицы 3, выбрали подавляющее большинство респондентов (41%) независимо от возраста, вероисповедания и национальности. В то же время, выбор большинством этого варианта даёт возможность утверждать, что для населения РТ в среднем не характерно негативное отношение к инокультурным мигрантам и в массе своей преобладает нейтральное. А основное условие принятия мигрантов, т. е. полная реализация модели «мультикультурность» по Дж. Берри – шаг мигрантов навстречу этим ожиданиям, т. е. принятие ими модели «интеграция» в терминологии Берри.

Такое условно позитивное отношение к мигрантам в РТ отражается, в частности, на готовности видеть мигрантов в качестве работников в таких важных для повседневной жизни сферах деятельности, как органы власти, правоохранительные органы, сфера финансов, медицины и здравоохранения (табл. 5).

Таблица 5

Положительно относятся к занятости людей разных национальностей
в основных сферах трудовой деятельности, %

Сферы деятельности	Национальности			
	Русские	Татары	Народы Средней Азии	Народы Северного Кавказа
1. Рынок, сфера торговли, бытового обслуживания	98	98	84	82
2. Общественное питание (кафе, рестораны)	98	98	78	78
3. Общественный транспорт (автобусы, троллейбусы, маршрутные такси)	98	98	75	73
4. Бизнес, финансы	98	97	56	55
5. Органы местной власти, самоуправления	97	96	38	37
6. Правоохранительные органы	97	96	44	45
7. Строительство, промышленность	98	98	77	75
8. Коммунальное хозяйство (уборка домов, улиц, дорожный ремонт дорог)	97	97	84	81
9. Медицина (врачи, медсестры, нянечки)	98	98	51	51
10. Образование (воспитатели, учителя), наука	98	97	42	42

Ситуация в Республике Татарстан по этому вопросу существенно отличается от ситуации, зафиксированной в исследовании ВЦИОМ 2018 г. [Иммиграция в Россию., 2018]. По данным этого исследования, наиболее критично настроены россияне к занятости приезжих в органах местной власти и самоуправления (17% относятся позитивно), правоохранительных органах (20%), образовании (29%), общественном транспорте (34%), медицине (38%). Присутствие приезжих в сфере торговли (продовольственные рынки) одобряют 48% опрошенных. Более лояльны респонденты к тому, чтобы иммигранты были заняты в сфере услуг (64%),

коммунальном хозяйстве (62%), строительстве (49%). Хотя, по данным ВЦИОМ, за последние пять лет респонденты стали более позитивно относиться к присутствию мигрантов в ряде сфер – в органах местной власти, правоохранительных органах, образовании, медицине, общественном питании, общественном транспорте. Данные табл. 5 показывают, что Республика Татарстан возглавляет этот процесс позитивных изменений.

Выводы

В ходе проведённого анализа ожиданий к интеграции мигрантов, отражённых в общественном мнении жителей Республики Татарстан, были сделаны следующие выводы.

Системная модель интеграции мигрантов предусматривает понимание интеграции мигрантов как процесса взаимной адаптации мигрантов и членов принимающего общества (Дж. Берри и др.). Это даёт возможность рассматривать диспозиции мигрантов в отношении принимающего общества и, наоборот, диспозиции представителей принимающего общества в отношении мигрантов не изолированно, а в рамках единого взаимонаправленного процесса интеграции. Такой подход даёт возможность рассматривать те или иные характеристики мигрантов и принимающего сообщества с точки зрения того, насколько они мешают или, наоборот, способствуют нормальному процессу интеграционного взаимодействия, т. е. определить интеграционный потенциал как принимающей стороны, так и мигрантов в контексте общих задач интеграции.

Жители Татарстана тесно увязывают проблемы большого притока инокультурных мигрантов и осложнения межнациональных отношений. Это сигнализирует о том, что между принимающим и мигрантским сообществом существует определённая социально-культурная дистанция. Как минимум, принимающее сообщество ещё не рассматривает мигрантов как составную часть культурной системы своего региона.

Внутренними, зависящими от характеристик принимающего сообщества факторами, осложняющими процесс интеграции, является высокий уровень ассоциированности как татар, так и русских со своими национальными сообществами, что обостряет опасения в том, что мигранты со своими этнокультурными стандартами образа жизни могут нарушить первостепенно и безусловно важную для татарстанцев целостность исторически сложившейся региональной социально-культурной системы. Таким же фактором и по тем же причинам является высокая ассоциированность представителей принимающей среды с представителями своего вероисповедания.

В качестве внешних факторов, актуализирующихся только в процессе интеграционного взаимодействия (т. е. не являющихся имманентными как для принимающего сообщества, так и для мигрантов), можно указать слабый уровень собственно личностных контактов (в рамках дружественного, соседского и т. п.) кругов общения.

Самым важным внешним фактором является то, что мигранты пока не готовы отвечать ожиданиям принимающего сообщества принять в качестве базовых сложившиеся стандарты поведения и взаимодействия в публичной сфере.

Список литературы

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.

Иммиграция в Россию: благо или вред? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [веб-сайт]. Пресс-выпуск № 3845. 19.12.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9487> (дата обращения: 11.10.2019).

European Social Survey. Data and Documentation. 2019. [Электронный ресурс] // ESS: [веб-сайт]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 11.10.2019).

Migrant Integration Policy Index MIPEX 2015. [Электронный ресурс] // MIPEX: [веб-сайт]. URL: <http://www.mipex.eu/what-is-mipex> (дата обращения: 11.10.2019).

Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–68.

Berry J. W. Conceptual approaches to acculturation. In: Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research. Washington: American Psychological Association, 2003. P. 17–37.

Сведения об авторах

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Drobizheva Leokadia Mikhajlovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Арутюнова Екатерина Михайловна – кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: 981504@mail.ru

Arutyunova Ekaterina Mikhajlovna – Candidate of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: 981504@mail.ru

Евсеева Мария Андреевна – Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: m.a.evseeva@mail.ru

Evseeva Mariya Andreevna – Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: m.a.evseeva@mail.ru

Кузнецов Игорь Михайлович – кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Kuznetsov Igor' Mikhailovich – Candidate of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Рыжова Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: silica2@yandex.ru

Ryzhova Svetlana Valentinovna – Candidate of Sociological Sciences, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: silica2@yandex.ru

Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (К(П)ФУ). Казань, Россия, ул. Пушкина д. 1/55. E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

Titova Tatiana Alekseevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia. E-mail: tatiana.titova@rambler.ru

Фролова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (К(П)ФУ). Казань, Россия, ул. Пушкина д. 1/55. E-mail: elenaieup@mail.ru

Frolova Elena Valer'evna – Candidate of Historical Sciences, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia. E-mail: elenaieup@mail.ru

Щеголькова Елена Юрьевна – Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: le_na_3@mail.ru

Shchegolkova Elena Yur'evna – Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: le_na_3@mail.ru

Научное издание

Информационно-аналитический бюллетень
Института социологии ФНИСЦ РАН

ИНАБ
2019 № 1

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИМЕР ТАТАРСТАНА И САХА (ЯКУТИИ)

ISBN 978-5-89697-318-8

Компьютерная верстка:
Григорьева Елена Ивановна,
Ситдигов Ильдар Мансурович

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 125-00-79
E-mail: isras@isras.ru

Подготовка электронного издания:
IT-Центр Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: delo@isras.ru

URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506